

ТАТЬЯНА Устинова

— первая среди лучших —

Пять шагов по облакам

Татьяна Устинова

Пять шагов по облакам

«ЭКСМО»

2005

Устинова Т. В.

Пять шагов по облакам / Т. В. Устинова — «Эксмо», 2005

Когда Бог спит, черт не дремлет. Знаменитая детективная писательница Мелисса Синеокова не хотела ехать в Питер на съемки. Не отпускала любимая работа и ссора с обожаемым Васькой. Неужели все кончено?! Да тут еще объявилась зловещая тень из прошлого: лидер партии «Россия Правая» Герман Садовников. По-прежнему шикарный, широкий и высокий, и все такой же гнусный негодяй. Мелисса и Герман повздорили не на шутку, разговор закончился взаимными угрозами. А чуть позже Садовникова застрелили. Что ж, поделом мерзавцу! Но радоваться рано: Синеокову похитили, как в самом дурном сне. А спасти ее сможет только прекрасный принц Васька. Только вдруг он ушел навсегда?..

© Устинова Т. В., 2005

© Эксмо, 2005

Татьяна Устинова

Пять шагов по облакам

– И самое последнее, – сказала начальница и переложила на столе бумаги, слева направо.

В правой стопке бумаг было намного больше, чем в левой, и это означало только одно – совещание заканчивается. Все шевельнулись было, и снова замерли, как замороженные. Шевелиться раньше времени дело опасное, по многим причинам. *Сама* могла рассердиться и начать язвить, и не было ничего хуже для сотрудников, чем ее язвительность. Никогда неизвестно, куда она может завести! Бывали случаи, люди увольнялись – если начальницу уж слишком заносило!

– Завтра утром я улетаю в Петербург на встречу с Садовниковым. Вернусь вечером, и мы сразу проведем еще одно совещание по результатам этой встречи. Возможно, она многое изменит в сегодняшней расстановке сил. Я прошу начальников отделов быть к этому готовыми. Уважаемые господа начальники, вы все меня слышали?

Господа вразной поклоивали, но настырная главная редакторша еще и каждому в лицо посмотрела, как бы зафиксировала взглядом, что все «слышали».

– Андрей Борисыч, ты меня слышал?

Андрей Борисыч выглянул из-за высокой спинки чужого кресла и сурово кивнул. Он чудесно устроился – все совещание черкал в блокноте, хмурил брови и пытался своей ногой настичь под столом ногу Тамилы Гудковой, возглавлявшей отдел «Business-леди». В редакции поговаривали, что Гудкова спит с Константиновым, основным фаворитом главной редакторши, но никто особенно в это не верил. Кто же в здравом уме и твердой памяти решится крутить амур под носом у волчицы, которая считает тебя своей собственностью?!

В блокноте Андрей Борисыч черкал стишата, которые в процессе совещания «рождались у него в голове». Была у него некая тайная думка, когда всех выпустят на волю, показать стишата Гудковой – вдруг оценит, вдруг поймет?.. Все совещание он сочинял и согревал себя приятной мыслью о пораженной в самое сердце Гудковой, и грезилось ему, как в курилке, в облаках табачного синего дыма вдруг вспыхнут изумлением ее фиалковые глаза, и удивленно дрогнут всегда такие неприступные губы, и, оглянувшись по сторонам, она скажет смущенно: «Зачем вы так, Андрюша?..» и протянет блокнотик, и вечером они пойдут гулять на Патриаршие пруды, а вокруг Малая Бронная, подсвеченная тусклыми огнями магазинчиков и темнеющая куртинами старых московских лип, и...

Глаза у нее никакие не фиалковые, конечно, а неопределенного, то ли серого, то ли карего, цвета. Неприступные губы он тоже выдумал – губы как губы, так себе, ничего необычного. И гулять с ней некуда – как только рабочий день заканчивался, она в ту же минуту садилась в свою машину и фьюи-ить, нет ее.

Но красиво, красиво, черт побери, особенно вот это, про куртины старых московских лип – каково? Скажете, нет образа? Конечно, есть, вот он образ: так и видится кривая московская улочка, пахнувшая нагретым за день асфальтом, липовым цветом и горячей едой из закуской, девушка на тоненьких каблучках, «мулатка просто проходящая», и он, белеющий в темноте рубахой, с распущенным галстуком, закатанными рукавами, перекинувший через плечо свой пиджак и ее сумочку, и...

– Але!.. Станция?! Барышня, дайте Смольный! Смольный дайте, барышня!

Тут Андрей Борисыч так струхнул, что даже блокнотик уронил, листочки разлетелись. Он сунулся их собирать, а Гудкова, из-за которой он так размышлялся, даже не помогла, только ногу подвинула, тоненький каблук царапнул пол.

Главная, когда Андрей Борисыч вылез, смотрела ему прямо в глаза, и впрямь как волчица, не отрываясь и не моргая.

– Да-да, – сказал он растерянно, и Константинов, ее фаворит, отчетливо хмыкнул. – Я все понял.

– Что ты понял, Андрей Борисыч? Повтори!

– Завтра вечером совещание, после того, как вы из Питера вернетесь, а от него многое зависит...

– Послал бог сотрудников! – сказала главная весело. – Не от совещания зависит, горе мое, а от нашей встречи с Садовниковым! И пусть только кто-нибудь попробует совещание продинамить! Уволю без выходного пособия!

– А отдыхать-то когда, если круглые сутки работать? – спросил Константинов и покрутил ногой в диковинном остроносом ботинке.

– Отдыхать будете в Пицунде, – отрезала начальница. – В Москве все работают. Если мы проштудировали все вопросы, то я никого не задерживаю. Всем спасибо, все свободны.

Команда вразнобой поднялась и, на ходу разговаривая, потянулась к двери. Волчица из своего логова наблюдала за исходом, а потом, конечно же, сказала мюллеровским голосом:

– А Константинова и Полянского я попрошу остаться!

– Вау! – под нос себе пробормотал начальник компьютерного отдела Бэзил Gotten Пивных. – Западло! Облом, блин!

Великие программисты в редакции газеты «Власть и Деньги» имелись в количестве двух штук. Вышеупомянутый начальник отдела Бэзил Gotten Пивных и его заместитель по имени Алекс Killer Кузяев.

Неизвестно кто и когда внушил пацанятам, что они не просто крутые «юзеры», а самые что ни на есть натуральные хакеры и «программеры» высочайшего уровня, но они в это свято верили. Их не разубеждали, во-первых, потому, что никому особенно не было до них дела, а во-вторых, потому, что с версткой и дизайном они более или менее справлялись. Кроме того, вносили во «взрослую», «политическую» редакцию приятное разнообразие – шикарно пили пиво и еще какие-то напитки под названием «натуральный солод», говорили непонятными до ужаса словами, время от времени «проводили атаки» на чью-нибудь почту, и вдруг компьютер через слово начинал прибавлять «твою мать», такая потеха!.. К примеру, вот письмо главной в хозяйственную службу: «Уважаемая Анна, твою мать, Петровна! Прошу, твою мать, вас выделить, твою мать, дополнительные компьютеры, твою мать, для обеспечения, твою мать, отдела...» и так далее. Крутые «программеры» выли от смеха, давились «натуральным солодом» и бились головой «в клави» – компьютерные клавиши. Иногда им неожиданно удавалось избавить редакционные компьютеры от залетного вируса – это называлось «лечить комп от вирусов». Для этого писались «проги» – программы, – и обсуждались в курилке специальными солодово-программистскими голосами.

Главная редакторша называла их бандерлогами и после долгих препирательств разрешила даже в список редакции вписать имена именно так, как им хотелось, – с «никами». Это было смешно и тоже вносило разнообразие во взрослую жизнь.

А то что такое?!

Вот, к примеру, Валерия Любанова, главный редактор. Александр Константинов, креативный директор. Роман Полянский, первый заместитель главного редактора – скукота, скукота!..

А тут – бац, получи, фашист, гранату: Бэзил Gotten Пивных, Алекс Killer Кузяев! Пивных в прошлой, докомпьютерной, жизни именовался, ясное дело, Василий, а Кузяев крещен был Алексеем, но какое это имеет значение! Девчонки падали замертво, а, может, бандерложкам казалось, что замертво, но во всяком случае просто Пивных и Кузяев никогда не добились бы такой популярности в массах, как Gotten и Killer!

У них были простецкие юношеские физиономии, круглые головы, несколько облагороженные определенным вольтерьянством в виде чубов и косичек. На совещаниях они в основ-

ном помалкивали, потому что «взрослые» в большом количестве их пугали, и, завидев в коридоре Валерию Алексеевну, они, бывало, срывали с вольтерьянских лбов высокохудожественно-креативные банданы и пихали их в карманы – вот бандан на своей территории главная решительно не допускала! Они очень любили слово «пенис» и страшно гордились собой, когда лихо его произносили, обращались друг к другу «сын мой», и все в той же курилке втолковывали тем, кто соглашался их слушать, что они «вовсе безбашенные и по молодости творили черт знает что, потому не следует считать их пай-мальчиками и покладистыми котятами».

– Вася! – нежно позвала главная Бэзила Gotten Пивных. – Ты что-то имеешь мне сказать?

Gotten Пивных, который ничего не имел сказать, завел глаза к потолку и выдал что-то в том смысле, что «должен срочно валить, потому что второй сидок опять не пашет».

– Ну, понятно, – согласилась Валерия Алексеевна, которой всегда удавалось держать своих бандерлогов в некотором подобии сознания, – тогда обломись, все высказывания в мой адрес за дверь, пожалуйста.

Бэзил моментально подался к двери и проворно выскочил, чуть не столкнув с пути секретаршу Марьяну, которая направлялась в кабинет главной с кофеем и какими-то шоколадными бирюльками в кружевных бумажках.

– Черт! – не по-секретарски выразилась Марьяна. Кофе из высокого стеклянного кофейника плеснул на белоснежную салфетку. Придется теперь все менять, не подавать же так, с коричневыми неприличными следами!

– Марьяш, мне чаю, я кофе не потребляю, ты не забыла? – попросил выглянувший из-за стеклянной двери Константинов и улыбнулся ей. Она моментально расцвела в ответ такой улыбкой, какой никогда не улыбалась Бэзилу Gotten Пивных, и кивнула так, что золотое сияние прошло по волосам.

Вот почему, почему в жизни все так несправедливо?! Вот встретится прикольная девчонка, супер просто, только заценишь, только начнешь клинья подбивать, а тут какой-нибудь папик, вроде этого Константинова, – и готово дело, нет девчонки! На тебя ноль внимания, как будто в природе не существуешь, а папику все, что хочешь, включая свою бессмертную душу и трепетное тело! А из-за чего?! Из-за того, что у него тачка крутая, что ли, или рубаха белая с бриллиантовыми блюдцами на запястьях?! Измельчал народ, ох, измельчал, и девчонки измельчали! Подавай им богатеньких папиков вместо нормальных ребят!..

Марьяна торопливо меняла салфетку и на Бэзила Gotten даже глаз не поднимала. Он потоптался рядом, вытащил из кармана диковинный телефон на длинной цепочке и покрутил его, как Том Сойер дохлую крысу.

Телефон впечатления не произвел.

– Чего тебе, Вася? – спросила Марьяна таким тоном, каким воспитательницы в детском саду вопрошают воспитуемых, если те подолгу таращатся на них, сунув палец в рот. – Кофейку налить?

На столе, среди бумаг, полупустых, сверстанных наспех полотен и записных книжек, зазвонил мобильный телефон, засиял разноцветными лампочками, и бумаги задрожали и поехали. Марьяна покосилась на аппарат, но отвечать не стала – вот как торопилась чай Константинову подать!

– У тебя труба звонит.

– Я вижу, Вася. Помоги мне, пожалуйста.

Она снова подняла поднос и улыбнулась – *эта* улыбка из серии: «Чего тебе, мальчик?», не шла ни в какое сравнение с той, адресованной папику.

Бэзил Gotten Пивных, начальник компьютерного отдела, подскочил и открыл перед ней стеклянную дверь. Марьяна зашла, и тяжелая дверь медленно и лениво захлопнулась за ней. Бэзил только успел расслышать фамилию Баширов и еще опасное слово «компромат».

Впрочем, нам-то что за дело? Они, «ламеры недопатченные», то бишь, недоумки отста-
лые, небось думают, что делом занимаются, а на самом деле протирают свои штаны, за которые
кучу бабла отвалили, насиживают геморрой, на что только девчонки покупаются, загадка!..

Вернулась Марьяна с пустым подносиком, снизу вверх кивнула Бэзилу головой и уселась
на место. Он еще потоптался. Ему хотелось куда-нибудь ее пригласить.

– Слушай, ты это!..

– Что?

– Ты по вечерам тусишь или как?..

Секретарша редакции, бывшая – он смотрел в личном деле, расковырять комп отдела
кадров заняло пять секунд, – на два года моложе него, смотрела как-то слишком жалостливо,
с сочувствием и пониманием, словно он идиотик, по случаю откосивший от клиники.

– Вася, что ты хочешь узнать?

Бэзил Gotten Пивных хотел пригласить ее на кружку пива в соседний скверик, и больше
ничего он не хотел узнавать! Ну, можно на чашку молока в кафе «Сапоги да гвозди», тоже
нормальное место. Там полно своих и завалить туда с клевой девчонкой было бы шикарно, ах
как шикарно!

– Ты это, слушай!..

– Что?

Телефон у нее опять зазвонил, и она опять не взяла трубку.

– Слушай, – в третий раз начал он свое романтическое приглашение, но язык внезапно
перестал повиноваться и без всякого согласования с мозгом и желаниями хозяина вдруг понес
то, что было для него привычней: – А хочешь я твою трубу спарю с другой трубой, а?

Марьяна помолчала.

– Для чего... спаришь?

Ответа на этот вопрос начальник компьютерного отдела не знал.

– Не, – сказал он растерянно, – это же по приколу, да? Напер кучу халявной инфы, надо
только следить, чтобы не подпалил никто, но это я того... прослежу, – и с надеждой: – хочешь?

Марьяна, будь она неладна, не хотела никакой «халявной инфы», а хотела, как пить дать,
в «мерине» папика покататься или что там у него?.. «Бумер», что ли?.. И плевать ей было на
то, что Бэзил Gotten не просто там какой-нибудь «юзер», а нормальный чувак с мозгами!

Стоять рядом с ней дальше было решительно незачем, и «нормальный чувак с мозгами»
побрел к двери в приемную, загребая раззявленными кроссовками светлый ковролин.

Ну ничего! Завтра они с Лехой, то есть, пардон, с Алексом, непременно, валят в Питер
на тусу, и там, конечно же, будут обалденные девчонки, про Марьяну он думать забудет!

Не, а по приколу, если они там посреди улицы, – есть там у них улица какая-то, вроде
нашей Тверской, черт, как же ее?.. – вот если они посреди этой улицы начальницу словят?! Нет,
ему, Бэзилу, она вообще глубоко фиолетова, но порешили же ей ничего не говорить, потому
что кроме попойки в компьютерной тусовке, у них с Лехой, – ой, то есть с Алексом, Алексом,
как же это запомнить-то?! – есть важное дело.

Некий неизвестный, тоже, видать, папик, захотел программу, такую особенную, обещал
заплатить хорошо, а кто же от такого откажется?!

Договаривался Ле... Алекс, Алекс договаривался, и по условиям зачем-то нужно хрена-
чить в этот самый Петербург, а туда же – на тебе! – начальница мылится! Вот идут они по улице,
которая у них вместо Тверской, и Любанова выруливает, то-то видок у нее будет! Говорят,
городок-то маленький, не Москва-столица!.. Бэзилу от этих мыслей было немного неуютно,
как и от предстоящей работы – все-таки он никогда и ничего не взламывал... за деньги. Все
больше для собственной чистой радости, кроме того, среди «программеров» неприлично пла-
тить за время в сети, гораздо приличней у лохов натырить! У лохов он тырил, а по заказу, да
еще незнамо что... нет, никогда. Может, от этого-то он и чувствует себя проституткой, а не

тем, кто он есть на самом деле – продвинутым «программером»! А может, от того, что Марьяна смотрела так жалостливо!

Впрочем, печалиться некогда.

Бэзил Gotten Пивных со странным тяжелым чувством покинул приемную главного редактора Валерии Алексеевны Любановой, и если бы кто-нибудь сказал ему, что это чувство называется интуицией, и это именно она, интуиция, подсказывает ему, Бэзилу, что не надо ездить ни в какой Питер, и телефон того, кто предложил им легких денег за странную программу, тоже хорошо бы забыть навсегда, а компы, в которых номер остался, свести на городскую свалку и порубить там топором в мелкий винегрет, Бэзил бы ответил этому кому-нибудь, что он ламер последний!

– Говорят, Баширов очень нашим заказом интересуется.

– Откуда такие сведения поступили?

Лера Любанова завела глаза к потолку и вверх, в направлении потолка, помотала головой, как будто сведения поступили непосредственно с небес.

– Из Лондона.

– Ты общалась?.. – непонятно спросил Константинов, и Лера кивнула. Роман Полянский провел в блокноте длинную черту, словно подытожил нечто важное, хотя ничего такого он не итожил и с неудовольствием отвернулся в сторону.

Странный вопрос Константинова он отнес на свой счет, и немного обиделся. Такой вопрос мог задать только «посвященный», или особо приближенный, и задавая его, Саша будто демонстрировал перед Романом свою «близость» к сильным мира сего.

Сильные – это Лера Любанова, рядышком, и Вадим Сосницкий, в отдаленной лондонской ссылке.

– Он сказал, что Садовников наверняка обращался и к Боголюбову тоже, но что-то у них не...

– Не срослось, – подсказал Константинов.

– Не сложилось, – не приняла подачу Лера, не любившая жаргон. – Боголюбов не дурак, чтобы такие вещи ни за что ни про что упускать. Кроме того, по слухам, за ним Баширов, который с нашим с незапамятных времен на ножах. Саш, я тебя прошу, пока меня не будет, ты пригляди за ребятами, чтобы они не наворотили чего не надо!

– Тебя не будет только один день.

Константинов очень не любил неясных поручений.

Он креативный директор, он придумывает оформление, дизайн, у него в подчинении пиар-служба, реклама и все такое, он не может «приглядывать» за отделами и за пишущей братией. Даже если возьмется ненароком, пошлют они его к черту и будут правы!

– Нам очень важно, – говорила между тем Лера, – чтобы до подписания бумаг никакие сведения не просочились в прессу. Особенно во вражескую.

– Что есть вражеская пресса? – подал голос переставший обижаться Роман Полянский.

– Все, кроме нас! – провозгласила Лера. – Есть только мы, и больше никого! Надеюсь, это как раз понятно, мальчики?

Мальчикам все было понятно.

Грядущие президентские выборы – вот что заботило всех крупных и очень крупных политиков и бизнесменов! Несмотря на то что на предыдущих выборах им всем доходчиво и с примерами объяснили, что на грядущих кандидат у нас будет только один, а остальным лучше не соваться и просто сделать вид, что это и есть демократия, но престол манил. Ох, как манил престол!..

Белые начинают и выигрывают.

Садовникова, лидера правых, поддерживал «лондонский изгнанник» Вадим Сосницкий, а кого поддержит Ахмет Баширов, было пока не слишком понятно – все-таки до престольного праздника, или престольной битвы, – кому как больше нравится! – оставалось еще полтора года. Ходили слухи, что Баширов и Кольцов, два супертяжеловеса-миллионщика, объединятся и поддержат какого-то центристского кандидата. И именно потому, что это было самым логичным, журналисты и политики подозревали, что ничего такого не произойдет.

В конце концов, только в старушке-Европе государственная власть держится на объединении интересов и капиталов, а в России-матушке со времен Новгородского княжества эта самая власть держится на расколе и междоусобице.

Дружили не «за», а «против», кто успел, тот и съел, нас не догонят, сегодня ты соратник, а завтра противник, причем непримиримый, причем самый главный, вот тебе, вот тебе, получай, получай!..

Предполагалось, что спарринг между кандидатами на престол будет жестким и циничным, и сейчас, на берегу, как будто прощупывалась будущая глубина этого самого цинизма – по пояс, по горло или по самую маковку. Лере Любановой и ее журналистам представлялось, что даже глубже, чем по маковку.

Нефтяное благополучие последних лет, когда золотой водопад низвергался на державу просто так, потому что баррель вместо одиннадцати долларов вдруг стал тянуть на полтинник, убаюкало и усыпило тысячеглавую гидру государственных проблем, которая еще так недавно разевала всю тысячу своих пастей. Тоненького ручейка, который оставался после того, как водопад распределялся по личным карманам, вполне хватало, чтобы кормить и поить народ. Сонное состояние гидры именовалось почему-то «стабильностью», хоть и понятно было, что цена ей – грош, и как только тот самый баррель вдруг станет стоить даже не одиннадцать, а восемь долларов, все, все пропало!..

Производства стоят, как и стояли, новых технологий как не было, так и нет, наука не только умерла, но ее даже и похоронить успели, и на похоронах сплясать – научные институты сдали в аренду под казино, компьютеры продали налево, истребители разобрали на «цветные металлы», а криогенные установки по дешевке спланировали китайцам, им нужнее, они хоть знают, что с ними делать!..

Гидра, убаюканная ручейком, все спала и даже похрапывала.

Чернобыльцы пару раз объявили голодовку, требуя выплат многолетней давности, шахтеры побузили на окраинах, военные в очередной раз подтянули пояса и с тоской огляделись, что бы такое еще продать. Продавать больше было нечего, все уже продали. На задворках тлела война, которой не было ни конца ни краю, и стыдливые лицемерные рассказы о ней в новостях напоминали хронику советских времен – вот сельчане отправились к урнам для голосования, чтобы «выразить волю» и «поддержать законную власть». Вот над школой затрепетал российский флаг, за партами сидят чумазные и глазастые дети в платках и фуфайках, тарашатся в камеру. Вот «гостеприимно распахнул двери» институт, готовый принять первых студентов.

По ночам стреляли не только в горах, но и в городах, на блокпостах взрывали заминированные машины, как будто сами по себе вдруг находились склады с оружием, которого хватило бы на то, чтобы вооружить до зубов армию небольшого, но амбициозного государства.

И все это было так привычно, так невыносимо скучно, что журналисты почти зевали, когда рассказывали про институт, «гостеприимно распахнувший» двери. К взрывам в метро все тоже быстро привыкли, как и к тому, что вдруг повсеместно стали гореть дома – а куда же им деваться, они свой век отжили, а два века не протянешь!.. Ремонтировать их было не на что – весь ручеек уходил на усыпление гидры, – новые строить тем более не на что, и плачущие люди в платках и мятых ночных рубашках, в несколько часов потерявшие все, вызывали только минутное сочувствие, не больше.

Беспризорники заполнили вокзалы и рынки, и о том, что нынче их почему-то развелось еще больше, чем во время гражданской войны, тоже говорилось стыдливо и негромко, словно никто в этом не виноват, да и особенного ничего нет. Подумаешь – беспризорные дети в официально невоюющей стране, а что тут такого?! Бомжи с наступлением весны вылезли из теплотрасс и подвалов на свежий воздух, в скверики и парки, и теперь дети в ярких комбинезонах, которых вели за руку мамы, старательно обходили спящих на газетах, обросших сивыми бородами мужчин и краснолицых женщин в свалевшихся шапках.

Зато повсеместно открывали залы игровых автоматов и игорные клубы, вокруг которых толпились немытые подростки с лихорадочными губами и глазами. Держава прогуливала дармовые нефтяные доллары и в ус не дула, и все понимали, что вот-вот всему настанет конец.

Те, кто еще несколько лет назад так рвался к власти, так спешил, так ратовал за народ и процветание, дорвались, передушили конкурентов и с азартом и жадностью дорвавшихся стали хватать, тянуть, грести, волочить, красть, рассовывать по карманам и счетам. От них не было спасения. Они ничего не видели вокруг, они жадничали и давились, но остановиться не могли – время их поджимало, время! На следующих выборах на смену им придут другие и передуют нынешних, тех, кто не успеет убежать, и припадут к кормушке и начнут хватать, грести, рассовывать по счетам и карманам. Самые разумные, насосавшись, отваливались, как пиявки, и, рыгая и ковыряя в зубах, отправлялись «на покой» – в тихие спокойные страны, где продаются особняки и футбольные клубы, а также острова с народцем, яхты и лагуны, и располагались там уже навсегда, надежно, основательно, с достоинством и благожелательным взглядом на мир.

Журналистам было скучно. Невыносимо скучно. Писать не о чем и снимать нечего.

В прошлом году от летней сонной скуки напали вдруг на некоего эстрадного деятеля, который, тоже от скуки, обляял на пресс-конференции некую журналистку – можно подумать, что он первый обляял или последний!.. Скандал вышел на всю страну, и вся страна была все-рез озабочена этим вопросом, и заговорили даже о «возрождающемся национальном достоинстве», в том смысле, что это самое достоинство и попрал эстрадный деятель. Суд присудил деятелю извиниться, и тот извинялся и каялся, и опять на всю страну разбирались, от души он покаялся или нет, и сочувствовали оскорбленной, и вспоминали с умилением, что вот в былые времена мужчины женщин не оскорбляли, и в их присутствии не садились даже, не то что уж матом не крыть! Оскорбленная прославилась, а деятель приуныл, и журналисты написали, что хамить никому не позволено!..

Потом все опять встрепенулись и наострились, как морские коньки. Говорят, что морской конек большую часть жизни проводит почти что в спячке и только время от времени, подчиняясь загадочному биологическому ритму, вдруг пробуждается и летит без разбора невесть куда.

Некий скромный министр из ничего не означающего министерства с бухты-барахты принялся крушить чужие особняки и дачи – бороться за сохранение природы. Толком никто не знал, сколько именно особняков он сокрушил и сокрушил ли вообще, и чьи, но выглядел министр внушительно. Брови сдвигал строго и говорил министерским голосом «мы не позволим»! Пока разбирались, чьи дачи сокрушать первыми – политиков или артистов, или обыкновенных обывателей – в центре Москвы порубили пару чахлах сквериков и тройку детских площадок. В сквериках заложили небоскребы, а на площадках – гаражи – а что делать, мегаполис растет, развивается, приезжих селить некуда, только в небоскребы! Перепуганные жители соседних домов выдвинулись с плакатиками и нарисованными от руки транспарантами, – не надо, мол, небоскребов, у нас солнца и так нет, сплошная загазованность и нарушение норм освещенности, но министру в это время было некогда. Он воевал с неведомыми никому дачниками.

Но и эта тема наскучила – очень скоро. Морской конек впал в спячку и пробудился только от того, что папа римский плохо себя почувствовал. В стране, где религию отменили несколько десятилетий назад, причем основательно отменили, со скидыванием крестов и расстрелом духовенства, здоровье папы стало, разумеется, темой номер один – а как же иначе?! Некоторое время гадали, помрет или не помрет, и с удивлением показывали людей по всему миру, которые искренне за этого самого папу переживали, некоторые даже плакали. Папа балансировал между жизнью и смертью, и это тоже быстро надоело – ну а дальше что?!

Ну совсем ничего, ну что же делать-то?!

Вольнодумные каналы все позакрывали еще сто лет назад, вольнодумных журналистов, которые утверждали, что войну надо заканчивать и бюджетникам платить, отправили на вольные хлеба, а немногочисленные оставшиеся осторожничали и боязливо жались. Шут ее знает, свободу эту!.. Сегодня свобода, а завтра Тишина Матросская, кому она нужна такая?

Вокруг было липко и влажно, и как-то невыносимо, как бывает, когда туча уже сожрала горизонт и подбирается все ближе и ближе, и внутри нее все наливается лиловым и черным, и ветер крутит песчаные вихри, и оттуда, издалека, тянет холодом и чувством опасности, и все еще непонятно, что там – дождь или смерч?..

Эта туча – будущие президентские выборы – никому не давала покоя, все косились на нее, понимая, что она уже близко, вот-вот подойдет, и остались последние, самые последние дни, когда можно жить, делая вид, что ее нет.

Валерия Алексеевна Любанова, главный редактор газеты «Власть и Деньги», видела ее так хорошо, как будто рассматривала в тысячекратный бинокль.

Ее завтрашняя встреча с предполагаемым кандидатом – первый раскат грома, вывалившегося из лилового брюха.

Она поняла, что уже давно молчит, думая о своем, только когда Саша Константинов осторожно позвал ее:

– Ле-ера! Ты где?

Она услышала и словно моментально проснулась:

– Прошу прощения, я задумалась.

– Да мы поняли уже! – Полянский улыбнулся. – Лер, наши сепаратные переговоры с Садовниковым всем известны.

– И что?

– Мы не сможем ничего скрыть от... вражеской прессы, как ты это называешь.

– Господи, Рома! – сердито сказала Лера. – Что ты как маленький! Я просила, чтобы ничего не просочилось до нашей встречи, то есть до завтрашнего вечера, а потом, конечно, все узнают, а как же иначе!

– Боголюбов нас не простит.

Андрей Боголюбов владел газетой «БизнесЪ», которая испокон веку конкурировала с «Властью и Деньгами». До сих пор было не слишком понятно, кого из кандидатов поддержат Боголюбов и его газета, только какие-то слухи доходили, но, насколько могла судить Лера, Ахмет Баширов, принципал Боголюбова, еще не принял окончательного решения.

– Помните, в двухтысячном было громкое убийство главного редактора «Вестей»? Тогда говорили, что он как раз Боголюбову дорогу перешел, и тот его...

– Это в тебе играет то, что тебя по ошибке назвали именем великого режиссера, – объявила Любанова, – снимал бы ты лучше концептуальное кино, господин Роман Полянский!

Первый заместитель неинтеллигентно сопнул носом и отвернулся. Его шикарное имя служило в редакции и ее окрестностях поводом для постоянных шуток с первого дня его пребывания «в должности», уже примерно полгода. Кроме того, он был красив утонченной красотой, любил сладкие духи, слабые сигареты и шоколад. Он носил очки, старательно холил свою щетину, всегда пребывавшую как будто в состоянии трехдневной давности, и очень любил

себя. При этом он был исключительно профессионален во всем, что касалось журналисткой работы, умело вел сложные переговоры и понимал, что нужно делать для того, чтобы поддерживать репутацию самой лучшей газеты в стране.

«Власть и Деньги» как раз таковой и была.

– Ну что ты сопишь, сокровище? – спросила Любанова. – Не нарекли бы тебя Романом, и не обзывался бы никто!

– Мне не нравится, что мы не знаем, кого поддержит газета Боголюбова.

– Это никому не нравится, – сказал Константинов.

Он в редакционной политике, как и в политике вообще, не слишком разбирался, и не понимал, зачем Лера задержала его в кабинете. Вряд ли затем, чтобы он на самом деле в ее отсутствие контролировал журналистов!

– А... в Лондоне не известно, за кого Боголюбов?

– Нет, – отрезала Лера. – Если бы там было известно, я бы тоже знала. Поживем – увидим.

– Ну да, – согласился тезка великого режиссера, – если нас не постигнет участь главного редактора «Вестей»!

– Типун тебе на язык!

И все замолчали. Креативный директор рассматривал свои запонки – на одну даже подышал и потер ее о джинсы, чтобы ярче сверкала. Первый заместитель нарисовал в блокноте еще одну длинную черту и теперь любовался на нее.

Помолчав, Любанова поинтересовалась:

– Ну? И почему никто у меня не спрашивает, что за совет в Филях?

– Да, – сказал Константинов и оторвался от запонки. – Что за совет в Филях?

– Пошли на крышу, – вдруг предложила Лера. – Что-то душно здесь. Прямо беда – в апреле еще снег лежал, в мае жара невыносимая!

Во всех помещениях самой лучшей газеты России, разумеется, работали кондиционеры. В этом офисе никогда не было ни холодно, ни жарко, здесь было уютно, просторно, вкусно пахло, и каждый входящий начинал немедленно чувствовать волну запах – запах больших денег. Здесь тянуло ударно работать, демонстрировать ум и эрудицию и созидать во имя родины и свободы слова, такой уж офис!..

Пойти на крышу – означало поговорить совсем уж начистоту, без предполагаемой «прослушки». Никто точно не знал, есть в офисе эта самая загадочная «прослушка» или нет, и на всякий случай считалось, что есть.

Любанова распахнула стеклянную дверь, перешагнула низкий порожек, застучала каблукками по разноцветной итальянской плитке, которой был вымощен «патио». Константинов поднялся, а тезка великого режиссера медлил. Он не любил стоять рядом с креативным директором – так сразу становилось очень заметно, что он значительно ниже ростом.

– Ну чего? – спросил Константинов, словно сам у себя. – Пошли, что ли?..

Похлопал себя по коленям, как отряхнул, и вышел следом за главной. Полянский закурил, чтобы было понятно, что он задержался не просто так, а именно для того, чтобы закурить, и потянулся за ними. Любанова смотрела вниз, свесившись через перила.

– Свалишься, – сказал Константинов, подходя.

Ветер трепал ее волосы, казавшиеся на солнце очень черными. У нее были неправдоподобно черные волосы и неправдоподобно голубые глазищи – как у кинодивы. Константинов, как всякий мужчина, ненавидел притворство, или думал, что ненавидит, а потому очень интересовался, что поддельные волосы или глаза с линзами?

– Высоты боюсь, – сказала Любанова, – до судорог. Тянет кинуться.

– А зачем тогда смотришь?

– Волю закаляю.

Вот так всегда. Невозможно понять, шутит она или говорит серьезно.

Подтянулся Полянский и остановился в некотором отдалении – галстук летит по ветру, волосы развеваются, сигаретка сладко и тонко пахнет. Наполеоновским взором он обозрел расстилавшийся пейзаж, а потом, как бы невзначай, перевел взгляд на Леру и Константинова. Это означало, что мешать парочке романтически любоваться панорамой новой Москвы он не хочет, но все же пора бы выяснить, что за секретность такая и тайные разговоры.

Лера повернулась спиной к голубому простору, положила локти на перила и согнутую в колене ногу пристроила – амазонка, одним словом, да еще и волосы летят.

– Значит, так, – сказала она и посмотрела по очереди на каждого из собеседников. – Есть у меня одна крамольная мысль. Следующего содержания. Что-то мне показалось, что Сосницкий решил Садовникова кинуть, а вину свалить на нас. То есть конкретно на меня. И поездка наша в Питер – просто...

– Подстава, – закончил Константинов.

– Просто для отвода глаз, – твердо договорила Лера, не любившая жаргон и позволявшая его себе только в разговорах с бандерлогами. – Мы как бы обо всем договоримся, а потом из Лондона скомандуют все остановить, потому что мы плохо договорились. Возможно такое?

Роман Полянский даже про свою сигарету забыл. Она тоненько дымилась у него в пальцах, а он во все глаза смотрел на Леру.

– А... с чего ты это взяла?!

Она сделала нетерпеливый жест:

– Ну... скажем так, мне показалось.

– Тебе *показалось*, что Сосницкий хочет нас подставить?!

– Да, – спокойно сказала она. Ее трудно было взять на испуг, вернее – невозможно.

Константинов молчал.

– Таким образом, мы не получаем финансирования и остаемся должны миллионов... несколько. Мальчики, у вас есть несколько миллионов на тот случай, если мы их кому-нибудь задолжаем?

– Но, – растерянно начал Полянский – это же нелогично! Это просто... глупость, извини меня, Лера! Зачем Сосницкому таким странным способом гробить собственную газету, да еще успешную, популярную и все такое? У нас тиражи сумасшедшие, рекламы полно, у нас...

– Ну, допустим, затем, что просто так прикрыть нас он не может, ему нужен повод. Он его искусственно создает, вот и все.

– Да, но зачем?! Зачем?!

– Ну, предположим, затем, чтобы показать властям, что в будущих выборах ни он, ни его деньги участия принимать точно не будут.

– Сосницкий откажется от выборов?! Это невозможно.

– Почему? – спросил Константинов. – По-моему, вполне.

– И по-моему, вполне возможно, – поддержала его Лера. – Он может свой отказ от участия на что-нибудь обменять. На то, что ему сейчас больше всего нужно. К примеру, на гарантии, что в случае возвращения в Россию он не подвергнется ни преследованиям, ни экспроприации, ни национализации и так далее. Судьбу «Юкоса» не разделит. Спокойно займется своими делами. Все вокруг перестанут повторять, что Вадим Сосницкий генеральной прокуратурой России объявлен в федеральный розыск и его фотографии разосланы в Интерпол, в Ми-6 и другие места. Он получит свободу передвижений и продолжит ковать свои миллиарды.

– Ему нужны деньги?

Тут Лера Любанова слегка рассмеялась.

– Ну, не думаю, что его интересуют деньги в нашем понимании. Его интересует... ох-хо-хо... ну, скажем, мировое господство. Он пересидел какое-то время, отдохнул и все – вперед.

– А это... возможно?

– А почему нет?

Константинов все молчал, и его молчание тревожило Полянского. Опять получалось, что тот знает больше, настолько больше, что и говорить ему не нужно, и так все понятно.

– Подожди, – попросил Полянский, который не мог так загадочно молчать, как Константинов. Ему требуются разъяснения, вот пусть и разъясняют, а не молчат загадочно! – Садовников, лидер партии «Россия Правая», на выборах должен получить поддержку СМИ. Самая правая газета в стране – наша, и совершенно логично, что именно от нашей газеты он получит эту самую поддержку...

– Платформу, трибуну и плацдарм, – договорила Лера за него. – Все так.

– Наша газета пиарит его во время предвыборной кампании, и он набирает очки и получает голоса.

– Ну да, да!.. Все как обычно.

– Всем понятно, что его не выберут, да это и не нужно. Нужно нашуметь и заставить людей запомнить себя как радетеля за народные блага. Пока все правильно?

– Склифосовский, – сказала Лера и заправила за ухо летящие волосы. – Короче!

Но Полянский становился упрямым как мул, когда ему было нужно. Это его ценное качество было известно всем и начальникам, и подчиненным. Из-за упрямства от него когда-то ушла жена, да так до сих пор и не вернулась!..

– Платформу и плацдарм Садовникову предоставляет Вадим Сосницкий. У Сосницкого подмоченная репутация и очень много денег.

– И очень много амбиций, – подсказала Любанова.

– Да. И амбиций. Наша газета принадлежит Сосницкому, и он обещал Садовникову и правому делу поддержку на выборах. И... что? Где подвох? Все это делалось уже десять раз, у каждой газеты и у каждого канала свой кандидат, которого они ведут, или парочка кандидатов! Зачем Сосницкому кидать нас посреди дороги вместе с Садовниковым?!

– Например, чтобы продемонстрировать властям и будущему президенту лояльность, – сказала Лера. – Это в девяносто шестом было непонятно кто победит, то ли Ельцин, то ли Лебедь, то ли папаша Зю!.. А сейчас-то все понятно. Садовников бодро-весело начинает пиариться в нашей газете, использовать ее как трибуну, рупор и все такое. Проходит несколько месяцев, у Садовникова все хорошо, рейтинг растет, и свои денежки он отрабатывает. В этот момент вдруг Сосницкий перестает его поддерживать. Причем не просто перестает, а закрывает газету – по объективным причинам. Причины могут быть, например, такие. Мы, договариваясь с Садовниковым и подписывая с «Россией Правой» соглашение о сотрудничестве, нарушили пункт сто семнадцать прим закона о средствах массовой информации, и Минпечать отзывает нашу лицензию. Придраться ни к чему невозможно. Любанова подписала бумаги не глядя. Юристы все проморгали. Садовников моментально теряет все набранные очки, потому что искать равноценную поддержку и платформу у него уже нет времени, а «Власть и Деньги» закрыли. Сосницкий вроде ни при чем, а у нас миллионные неустойки, процедура банкротства и продажа квартир, машин и детей.

– А Сосницкий заодно, – закончил Константинов, – таким образом демонстрирует полную лояльность единственному правильному кандидату. Потому что неправильный слетает, не дойдя даже до процедуры выборов.

– Вот именно, – согласилась Лера. – Ну, как вам схема?

– Абсолютно неправдоподобно, – быстро сказал Полянский. – То есть, по-моему, это невозможно.

– Очень правдоподобно, – сказал Константинов неторопливо. – И легко технически.

Полянский пришел в раздражение.

– Быть может, я чего-то не знаю, и тогда тебе, Лера, придется мне объяснить. А на первый взгляд вся твоя теория гроша ломаного не стоит. Газета существует уже десять лет. Зачем Сосницкому может понадобиться именно сейчас ее угробить?! Перед самыми выборами?

Она пожала прямыми плечами:

– Я не знаю. Я просто делюсь с вами подозрениями.

– Но они откуда-то взялись, твои подозрения! Да еще перед самым подписанием договора!

Ни одному из них Лера не могла сказать, откуда взялись ее подозрения.

Пусть пока думают, что она просто выдумала их. Решила перестраховаться. Напустить туману. Запутать следы. Что там еще можно сделать?..

– Тогда, может, тебе заболеть быстро и неизлечимо? – предложил Константинов.

– То есть подать в отставку?

– Ты что, – обиделся он, – с ума сошла?! Нет, просто месяцок в Кардиоцентре полежать, потом в Юрмалу поехать, пройти реабилитационный курс, потом еще полечиться, уже от печени, например. А?

– А Садовникова заберет себе Боголюбов и газета «БизнесЪ», да?! Нет уж, на это я пойти не могу! Мне надо посоветоваться с шефом, Михайло Ивановичем!

– Ну и пусть Боголюбов забирает, – сказал совершенно запутавшийся тезка великого режиссера, – если твои предположения правильны...

– А если неправильны? – перебила Лера. – Если неправильны, значит, мы своими руками поднесем конкуренту на блюдечке с голубой каемочкой несколько миллионов долларов, почет, славу и тиражи. Не знаю, как вы, а я не настолько люблю конкурентов.

– Может, потянуть? – предложил Константинов. – Просто потянуть, и все, не три месяца, конечно, а несколько дней.

– Зачем?

– За это время может что-то проясниться.

– Как? Что? И кто будет прояснять? Или частного детектива найдем, чтобы он слетал в Лондон и выяснил у Сосницкого его истинные намерения?

– Да, – согласился Константинов. – Глупость. Но я не знаю, как подстраховаться.

– И я не знаю, – согласилась Лера Любанова. – А великий режиссер знает?

Полянский был растерян.

Пожалуй, впервые за все время работы, за полгода, наверное, Лера увидела его растерянным. Куда только подевался скучающий лорд Байрон?..

– Но ведь Сосницкий... наш. Разве он может нас... сдать?

– Что значит «наш»? Наш – это чей? – Лера сняла ногу с невысокого парапета, зацепилась каблуком, Константинов ее поддержал. – Прежде всего он очень деловой человек, интересы которого простираются по всему миру, а амбиции так вообще до звезд! Что ему какая-то отдельно взятая газета, хоть бы и его собственная? Если деловые интересы перевесят, он о нас даже не вспомнит!

– Это все понятно, – нетерпеливо перебил ее Константинов, – и все-таки как подстраховаться?! Я никаких вариантов не вижу.

– Я тоже не вижу, Саш, – печально сказала Лера. – Поэтому я вам все это и изложила. Для повышения бдительности. Роман, ты должен на переговорах смотреть в оба, как бы я чего не проморгала. Саша, ты здесь тоже должен смотреть в оба. Может, позвонить кому-нибудь? У тебя есть знакомые в газете Боголюбова?

– Ну конечно есть! Можно подумать, у тебя нет!

– И у меня есть, но я не хочу звонить, чтобы не было лишних разговоров. Ты у нас человек творческий, к политике отношения не имеешь, тебе все простительно. Позвони сегодня или завтра, попробуй узнать, нет ли каких слухов или подозрительных событий.

– Что есть подозрительные события?

– Ну, может, Боголюбов уже повстречался с Садовниковым или что-то в этом роде. Или регулярно встречается. Ну, хоть что-нибудь, что может связывать Боголюбова, Садовникова и Сосницкого! Вдруг это нас куда-то выведет. Позвонишь, поболтаешь?

– Поболтаю, – согласился Константин. – А ты будь осторожна. Рома, приглядывай там за ней.

Полянский сосредоточенно кивнул.

Они вернулись в кабинет и быстро разошлись по своим делам.

Лера сказала, что ей нужно забрать из химчистки вещи и еще съездить на новую квартиру, где все продолжался ремонт, который должен был закончиться еще месяца три назад. Константин привычно попенял ей, что она все делает сама, могла бы попросить кого-нибудь, например его, Константинова, а Лера привычно сказала ему, что полагаться на мужиков не желает, ибо все равно в этом нет никакого смысла.

Полянский постоял, потом пробормотал, что завтра будет ждать ее в аэропорту, и ушел, расстроенный.

Константинов вышел следом и, проводив лорда Байрона глазами, вытащил из кармана мобильник.

– Это я, – сказал он зачем-то, хотя на том конце отлично знали, что это он. – У меня через полтора часа самолет, мне нужно ехать. Нет, она не в курсе. Ну, она же меня и задержала! Я вернусь раньше нее, она ничего не узнает. Никто ничего не узнает.

Мелисса Синеокова ела яблоко и уныло смотрела в стекло, за которым почти до самого леса простирался серый асфальт, а на нем – в ряд – серебристые самолетики, похожие с большой высоты на склеенные модели из детского конструктора. Внизу, под самым окном, неслышно проходили непривычно широкие автобусы. Притормаживали под плоской крышей терминала, выпускали людей и катили дальше. Куда дальше – Мелисса вытянула шею и посмотрела, – было не видно.

У нее за спиной гудел ровным гулом зал ожидания, визжали какие-то дети и жизнерадостно хрюкал и булькал игровой автомат. С левой стороны был крошечный бар, похожий на бар гостиницы «Интурист» в Сочи времен перестройки и ускорения. Вокруг высокой пластиковой стойки располагались три довольно ободранных табуретки, и еще пара столиков на шатких алюминиевых ножках. На полках стояли бутылки со спиртным и перевернутые вверх дном рюмки. Кофейный аппарат в углу пускал пар.

Мелисса с удовольствием выпила бы кофе и покурила, но курить здесь было запрещено, и присесть негде, все столики заняты, но она решила, что не уйдет, будет караулить, и как только хоть одно место освободится, кинется и займет его. Лететь в Питер ей не хотелось.

Как-то с утра все не заладилось, и даже предстоящая поездка казалась теперь не праздником жизни, а пустой тратой времени и сил. Мелисса Синеокова доела яблоко, грустно осмотрела огрызок – нельзя ли еще откуда-нибудь откусить, – и стала искать урну. В зоне видимости не оказалось никакой урны. Обнаружилась только одна, довольно далеко, возле двери, на которой была нарисована девочка в юбочке, но идти туда нельзя. И так она все время ощущала повышенное внимание, хоть и водрузила на нос темные очки, и повернулась к общественности спиной.

И еще мерещилось странное – вдруг показалось, что в очереди на регистрацию позади нее стоит курьер из издательства Витя Корзун, маялась-маялась, обернулась, нет никакого Вити, а дядька, на которого она уставилась, моментально сложил лицо в сладкую, вопросительную улыбку. Мелисса рассеянно улыбнулась ему в ответ, и вдруг Витя мелькнул уже на улице, за стеклами – неужели опять показалось!

Если это видение, то какое-то неправильное – кому же это в видениях мерещится курьер, а не апостол Петр?! Что это за видение такое – про курьера?!

Может, не лететь?..

Выйти сейчас из зоны ожидания, забрать машину со стоянки и поехать домой, сесть за компьютер – работать, работать и работать!..

Ах, как Мелисса Синеокова любила свою работу! Вот и сейчас, брошенная на полуслове, она манила и притягивала. Словно магнит.

...Значит, так. Пусть тот самый, которому героиня звонила, окажется не тем, про кого она думала, а ее соседом, который подсоединился к телефонной трубке. Нет, не годится, потому что сосед у нее просто какой-то болван, а болван не может присоединиться к линии. И редактор потом скажет, что это... как же он говорит в таких случаях?... что это шито белыми нитками, вот как.

Ну хорошо.

Значит, пусть героиня звонит, а он в это время приезжает и слышит весь разговор. Он думает, что она разговаривает с убийцей, и решает, что она тоже замешана, и он должен ее спасти. Нет, это тоже не годится, потому что тогда выходит, что она должна говорить по телефону как-то так, чтобы было понятно, что это связано с преступлением, а что такого опасного можно заставить ее сказать по телефону?! Она же добропорядочная мать семьи, а не какая-то там профурсетка!

В задумчивости Мелисса Синеокова слопала огрызок, который намеревалась выкинуть, а жесткий яблочный хвостик сунула в задний карман джинсов – не бросать же на пол, в самом деле!

Ремень от кофра, в котором был ноутбук, поминутно съезжал у нее с плеча и тянул за собой щегольскую джинсовую курточку, которую Мелисса обожала. Она поправляла ремень, но он начинал ехать, как только она переставала придерживать его рукой. И сесть, как назло, некуда!..

И зачем только она навек поссорилась с Васькой! Ну зачем, зачем!.. Она никогда с ним не ссорилась, она умная женщина, знает, как вести себя, и вот – на тебе! Поссорилась, да еще накануне поездки!..

Сзади ее вдруг сильно толкнули, так, что почти ткнулась носом в стекло и проклятый ноутбук слетел с плеча, и она поймала его только в последний момент. Вот была бы катастрофа, если бы он грохнулся на пол! Конец пришел бы ее роману – ужас!

Очень разгневанная, Мелисса Синеокова повернулась, чтобы от души высказать грубияну и наглецу, который ее толкнул, все, что она о нем думает, и обнаружила двух тетушек, которые тарачились на нее, как на заспиртованных сросшихся близнецов из Кунсткамеры.

Мелисса открыла и закрыла рот.

– Извините, – громко и радостно сказала одна из тетушек. Они были крепкие, полные, цепко держали свои сумки и смотрели на нее снизу вверх. Она была очень высокой, и почти все люди на свете смотрели на нее снизу вверх.

Кроме Васьки, с которым ее угораздило поссориться. Васька смотрел на нее только сверху вниз.

– Ой, а мы вас узнали, – радостно затараторила вторая. – Вы ведь Мелисса Синеокова, да? Толкнули специально, поняла Мелисса, чтобы я оглянулась. Все ясно.

Она моментально затолкала в себя все слова, которыми собиралась наградить обидчика, и навесила на лицо широкую улыбку. Это называлось «давать знаменитость».

Придется давать, а куда деваться?! Никто ее не заставлял становиться знаменитостью, сама стала!

– Здравствуйте, – сказала она хорошо поставленным голосом. Боковым зрением Мелисса все время отслеживала столики в доперестроечном баре. Вот мужик сложил газету, лениво посмотрел по сторонам и снял ногу с ноги. Может, собирается уходить?

– Ой, а мы все-все ваши книжки перечитали! – подхватила вторая. – Все до одной! Вы так хорошо пишете, так жизненно, все про нас! Мы с Раечкой даже библиотечку особую завели, чтобы читать и обмениваться!

– Мы обмениваемся с Галочкой, – подхватила вторая. – И все наши девочки тоже обмениваются.

– Спасибо вам большое! – сказала Мелисса голосом знаменитости и подбавила сердечности в улыбке. – Это очень приятно.

– Ой, а кино нам не понравилось! Это вы кино снимали или не вы?

– Я не снимаю кино. Кино снимают режиссер и продюсер.

– Да что ж вы им не сказали, что убийца совсем по-другому выглядеть должен?!

– Я не участвую в съемочном процессе.

– Ой, а вы нам с Раечкой автограф не дадите?

– Конечно. С удовольствием.

– Только нам не на чем. У вас есть на чем?

У Мелиссы на такой случай был припасен особый блокнотик. Она полезла за ним. Мужик в баре расстегнул свой портфель и уставился в него, как будто соображал, что там такого может быть интересного.

– Да, да, я Галя, а моя подруга Рая. У нас и мужики читают! Мой-то позавчера закрылся в туалете и не выходит! Я ему стучу-шумлю, а он, оказывается, там с вашей книжкой засел!

– Ну надо же, – подивилась Мелисса.

У нее было отлично развитое воображение, и она живенько представила себе мужа Раечки в тренировочных штанах и не слишком чистой майке, восседающим на унитазах с ее книжкой в руках.

– Ой, спасибо вам большое! Вот спасибо! Нам никто не поверит, да, Галочка?

– Никто не поверит!

– А на телевизоре вы сами снимаетесь?

– Ну конечно сама.

– А как же вы здесь, когда ваша передача уже через двадцать минут?!

– Ну это же не прямой эфир! Мы в записи выходим!

– Ой, ну надо же! А у меня дочка мечтает в телевизоре выступить, может, вы ей поможете, а? Ну, как-то пристроиться!

Зачем я поссорилась с Васькой, думала в это время писательница Мелисса Синеокова. И он хорош, знает, что в Питер сегодня лететь, и ссорится, тоже мне, мужчина! Если бы он был со мной, все было бы легко и просто, и эти тетеньки не раздражали бы меня так сильно.

– Я сейчас дам вам телефон, – сказала Мелисса, – это пресс-служба нашего издательства. Вы позвоните, и вашу дочку запишут на съемки. В качестве зрителя, конечно.

– Нет, а на работу, на работу как ей устроиться?

– Я не знаю, – искренне сказала Мелисса, и то ли у Галочки, то ли у Раечки вытянулось лицо, стало недовольным, как будто писательница заняла у нее сто рублей и только что отказалась отдать. – Нужно искать работу на телевидении, а потом постепенно делать карьеру. Извините меня, пожалуйста!

– Ой, а вы куда же?!..

Она протиснулась мимо подруг, которые не отрывали от нее глаз, шмыгнула за стойку с журналами и плюхнулась на шаткий стульчик, с которого только что поднялся мужик с портфелем. Стульчик показался ей утлым и неустойчивым, и высоченной Мелиссе сидеть на нем было неудобно, зато она моментально сняла с плеча осточертевший ей ноутбук и пристроила его в ноги. Потом достала из кармана курточки мобильный телефон и посмотрела в окошечко.

Окошечко показывало время, а больше не показывало ничего. Васька не звонил. А она так надеялась! Она надеялась и думала, что пропустила звонок, не услышала! Впрочем, надежда

еще оставалось. Наверное, в зоне досмотра телефон не принимает! Ведь может такое быть? Вполне может!

Тут оказалось, что для того, чтобы заказать кофе, нужно подняться и идти к стойке, а как только она поднимется, место тотчас же займут, это ясно. Вокруг бара дислоцировался народ, нацелившийся на три вожделенных столика, в надежде, что какой-нибудь освободится. Их, нацелившихся, много – вон в три ряда стоят.

Мелисса беспомощно оглянулась на барменшу. В темных очках она видела не слишком хорошо.

– Девушка! А, девушка!

– Стол сейчас вытру.

– Девушка, а можно у вас кофе попросить!

Девушка моментально утратила к Мелиссе всякий интерес, и стол раздумала вытирать.

– У стойки заказывайте.

– Я не могу, у меня ноутбук очень тяжелый!

– А мы не разносим. У стойки заказывайте и берите.

– А можно я отсюда закажу?

– У нас со столиков не заказывают. Только со стойки.

Круг замкнулся, поняла Мелисса Синеокова. Не дадут мне кофе. «Со столика» не положено, а к стойке подойти нет никакой возможности.

Если бы Васька был с ней, все ее затруднения разрешились бы моментально. Он воздвиг бы на одно монументальное плечо ее компьютер, на другое, не менее монументальное, дорожную сумку в вензелях и кренделях прославленной европейской фирмы. Мелисса очень гордилась своей сумкой. С ней она чувствовала себя немного принцессой Дианой, совершающей «визит доброй воли». Ей представлялось, что Диана должна была путешествовать именно с такой сумкой.

Васька страшно ругался, когда Мелисса ее купила.

«Что за бред, – говорил он сердито, – что это за сумка, которая стоит полторы тысячи долларов?! Что в ней может стоить полторы тысячи долларов?! В ней даже отделений нет!»

«Да не в отделениях дело, – отвечала Мелисса глупому Василию. – Ну, ты посмотри, какая кожа, и вот висюлочка, а тут, видишь, карманчик и «молния»!»

И она гладила шершавый коричневый бочок с кремовыми буквами, переплетенными между собой, а Васька крутил лобастой башкой и фыркал.

А теперь они поссорились, и он даже не позвонил ей утром, хотя знает, что она должна лететь в Питер, и летит теперь одна, и кто угодно может к ней пристать или украсть у нее сумку с вензелями!

Она снова вытащила телефон, с целью проверить, не появилось ли неотвеченных Васькиных вызовов.

Никаких вызовов не появилось.

Тогда она достала старый-престарый органайзер, который когда-то начальник подарил ей на день пролетарской солидарности всех революционных женщин-работниц. Органайзер был толстый, тяжелый, в дерматиновом черном переплете, похожий на старого ворчливого деда. Она столько раз добавляла в него страницы, что он почти не закрывался, кнопка все время расстегивалась.

Пошарив в сумке, она добыла ручку и на чистой странице написала: «Васька не звонит. Жду-жду, а он все не звонит. Может, он решил меня бросить? Я этого не переживу. Кажется, ей-богу, пойду и утоплюсь. Что я буду без него делать?! Мы вчера поссорились, я в Питер улетаю, а он не звонит! Вот если он еще через пятнадцать минут не объявится, я ему сама позвоню!»

– Девушка, вы будете заказывать или нет?

– Да. Кофе мне, пожалуйста.

– Встаньте и подойдите. Мы со столиков заказы не принимаем.

Тут обнаружилось, что Галочка и Раечка галсами продвигаются к ее столику, и уже почти придвинулись вплотную.

Мелисса нацепила улыбку и даже очки на лоб подняла, чтобы «давать знаменитость» по полной программе.

– Ой, я извиняюсь, – сказала та, чей муж в туалете читал Мелиссину книжку, – ой, извиняюсь, но я хотела спросить...

– Да?

– Ой, – они переглянулись и как по команде вытаращили глаза. – А мы вот все время с девочками спорим, у вас силиконовая грудь или натуральная?

Улыбка Мелиссы даже не дрогнула.

– Натуральная.

– Я же тебе говорила! – сказала Галочка Раечке. – Что я тебе говорила?! А вас по правде зовут Мелисса Синеокова?

– Нет. Это псевдоним.

– А как вас по правде?..

– Меня зовут Мила Голубкова. По паспорту.

– То есть как Мила? – поразились Галочка и Раечка. – Это что же за имя такое?!

– Людмила.

– А-а... – протянули Раечка и Галочка.

Мелиссе показалось, что они разочарованы.

Мелисса Синеокова звучало, конечно же, шикарней. А то Людмила Голубкова! Ну, куда это годится?! Разве у звезды может быть фамилия Голубкова!?

В это время зазвонил телефон и, чуть не опрокинув оставшийся от мужика стакан, который принципиальная барменша так и не убрала, Мелисса схватила трубку.

– Да!

– Милка, это я.

Звонила лучшая подруга Лера Любанова. Очень хорошо, что она позвонила, но Мелиссе хотелось, чтобы позвонил Васька. Вот ничего ей сейчас так не хотелось, как того, чтобы он просто взял и позвонил!..

– Ты где?

– В Шереметьево. – Она опустила на нос очки и двинулась вместе со своим шатким стулом, чтобы как-то скрыться от Галочки и Раечки, которые продолжали стоять перед ней. – Я в Питер лечу, на съемки.

– Вот так всегда, – сказала в трубке Любанова. – Вот все в Питер на съемки летят, а я одна, как дура, прусь туда же на переговоры!

– Ты в Питер летишь?

– Ну да. Завтра утром.

– Так я завтра оттуда уже уеду, – огорчилась Мелисса. – Что ж ты мне не сказала, что тоже собираешься, Лерка! Я бы все подвинула и завтра с тобой полетела!

– А ты мне что не сказала?! Я бы все подвинула и сегодня с тобой полетела!

Круг опять замкнулся, подумала Мелисса. Вот ведь какой сегодня день. Как с утра не заладилась, так даже кофе невозможно выпить, и с лучшей подругой повстречаться в городе на Неве!

– Ты только не забудь, что в выходные вы у меня на даче.

– Я не забыла, Лер.

– Ну, хорошо, что хоть это не забыла, с твоим-то склерозом!

Считалось, что, как человек «творческой профессии», Мелисса все забывает, путает и ничего толком не знает.

– Тогда мягкой тебе посадки, и Ваське привет.

– Васьки нет. Мы поссорились.

– Как?! – поразилась Любанова. – А где он?

– Дома, наверное.

– Постой, Голубкова. Ты чего, одна в Питер летишь?

– Ну... да.

– Дура, что ль, совсем?! – грубо спросила Лера. Это она умела. – Куда тебя понесло одну?! Ты ж у нас мировая знаменитость, тебя там сейчас на куски порвут!

– Никто меня не порвет, – быстро выговорила Мелисса, косясь на теток, – никому я не нужна.

– Вот я сейчас позвоню твоему Ваське и скажу, чтобы он срочно чесал за тобой в Шереметьево.

– Посмей только!

– А мне что? Я посмею! Кроме того, мне тебя, дуру, жалко! Это же надо было сообразить, одной переться!

– Ничего со мной не будет. Я женщина-асфальтоукладчик.

– Это нам известно, но полоумных-то вокруг полно!

– Лер, угомонись. Все будет хорошо. И не вздумай Ваське звонить!

Она нажала кнопку отбоя на телефоне и вздохнула.

Галочка и Раечка придвинулись еще ближе и смотрели на нее с жадным любопытством.

– Ой, а кто ж это такой... Вася? Вот вы сейчас говорили!.. Это ваш муж, да?

– Да, – буркнула Мелисса.

– Вот я тебе говорила, что грудь у нее натуральная и муж у нее есть. А дети у вас есть?..

Рядом с ней вдруг резко загремел стул, так что ноутбук сдвинулся и наехал ей на ногу, и увесившийся напротив мужчина загородил ее спиной от любознательных тетушек.

– Что ж ты себе даже грудь не спроворила какую следует? – весело удивился мужик. – Общественность волнуется. Вот объясни общественности, почему у тебя ни фи́га не силиконовая грудь!

– Привет, – сказала Мелисса и поправила под столом ноутбук.

– Здорово.

Его звали Герман Садовников и он был лидером какой-то политической партии со смешным названием, то ли «Россия справа», то ли «Правая жизнь», то ли еще что-то в этом духе. Он был шикарный, широкий и высокий, в сером распахнутом плаще, в дорогом костюме, и даже носовой платочек выглядывал из кармана, и пахло от него сигарами и дорогой парфюмерией, все как положено.

Мелисса его ненавидела.

– Коля, – приказал он неприметному молодому человеку в дешевом костюме и бордовом галстуке, охраннику, должно быть, – закажи нам кофе и два двойных виски. Ты все еще пьешь виски?

– Пью, – с ненавистью сказала Мелисса.

– Вот и отлично.

Он повозился на стуле, устраиваясь поудобнее, глянул на тетушек-поклонниц и шутливо на них прикрикнул:

– Брысь!

Тетушки засуетились, ринулись в разные стороны и быстро пропали в толпе.

Герман повернулся, откинулся на спину, склонил голову набок и стал рассматривать Мелиссу.

– Хороша, – оценил он через некоторое время. – Разъелась малость, но по-прежнему хороша. А что же диеты, не помогают?

Она молчала, смотрела ему в лицо.

– А мне помогают, – поделился Герман. – Я в прошлом году пятнадцать килограммов сбросил. Впрочем, я дорого худел, по гемокоду. По группе крови.

– Это я знаю, – сказала Мелисса. – Это когда за пятьсот долларов тебе пишут, что нельзя есть булки и жирную свинину и запивать газированной водой. Это хорошее дело.

– Все язвись?

– Да где мне!

Подскочила девушка, прибрала со стола грязные стаканы, вытерла исцарапанную пластмассу и посмотрела преданно.

– Вам чего, милая? – спросил Герман.

– Мне автограф бы, – смущенно пролепетала девушка, которая ни за что не соглашалась принять Мелиссин заказ «со столика», – ой, вы знаете, как я вас люблю! Все-все перечитала, и мама вас любит тоже! И передачу мы вашу смотрим с удовольствием.

– Спасибо, – сказала Мелисса и потянулась за блокнотиком. – Как зовут вашу маму?..

– Я и вас знаю, – радостно сообщила девушка Герману Садовникову, пока Мелисса старательно выводила «с наилучшими пожеланиями», – вы из Думы, да?

– Да, – сказал Садовников не слишком любезно. Как видно, привык быть в центре внимания, и теперь его задело, что Мелисса его затмила. – И пепельницу нам подайте.

– Да здесь вообще-то нельзя курить, – сказала девушка, – но только для вас подам.

– Спасибо, – поблагодарила Мелисса и протянула листочки с «наилучшими пожеланиями». – Спасибо вам большое!

– А ты, оказывается, популярна.

– Да, – сказала Мелисса Синеокова твердо. – Я популярна.

– Ну молодец, – лениво протянул Герман. – Ты знаешь, я рад, что из тебя что-то вышло. Очень рад. Честно сказать, не ожидал. Думал, останешься ты жопастой дурой, и все.

Она молчала, смотрела на него.

Сколько лет прошло, и не больно уже, и не страшно, и все позади, а все равно внутри как будто вдруг что-то мелко затряслось.

Какой-то жизненно важный механизм засбоил, стал работать в аварийном режиме, замигал всеми аварийными лампочками. Вот сейчас остановится, захлебнется, и с ней что-нибудь случится – в обморок бухнется, или упадет, заплачет и начнет биться.

Все возможно. В присутствии этого человека возможно все.

Она посмотрела на свои пальцы, сжавшие телефон, и приказала им разжаться. Они не разжались, и тогда другой рукой она отлепила пальцы от аппарата.

Герман наблюдал за ней.

– Дурочка, – фыркнул он. – Вот дурочка-то! Все такая же истеричка?

Ему нравилось, что он... действует на нее, а в том, что «действует», не было никаких сомнений. Он вспоминал о ней очень редко, только когда случайно видел по телевизору или на каких-то светских мероприятиях. Подходить не решался, кто ее знает, она всегда могла ляпнуть что-нибудь оскорбительное, себе дороже! Но воспоминания были сладкие, волнующие, душевные и притягательные. Все-таки тогда все было по-другому, он был молодой, горячий, и вся жизнь была впереди – ах, время, время, времечко!..

Девушка, метавшаяся от барной стойки к их столику, последовательно выставила пепельницу, два пластмассовых стаканчика – в каждом по глотку янтарной, сильно пахнущей жидкости, – и две чашки кофе с пластмассовыми ложечками на блюде.

– Объявляется посадка на рейс 486 до Санкт-Петербурга, – усталым голосом сообщил динамик. – Просим пройти на посадку, выход номер десять.

– Еще посидим, – решил Садовников. – Куда нам торопиться! Ну, твое здоровье!
Он опрокинул в себя стаканчик, подышал, как будто хлебнул самогону, и опять откинулся на спинку стула.

– Что ж ты не через депутатский зал? – спросила Мелисса. – Или ты уже не депутат?

– Я-то? Я депутат. Фракция «Россия Правая», слышала? Так вот, я ее лидер.

– Слышала, – согласилась Мелисса и глотнула виски. – Вы на прошлых выборах едва-едва свои четыре процента набрали.

– Это ты так меня подкальываешь, да?

– Нет.

– Дурочка, – с удовольствием сказал Герман и даже засмеялся от удовольствия. – Нет, все вы бабы – дуры! Чем дольше живу, тем больше в этом убеждаюсь. А через депутатский зал я принципиально не летаю. Чего я там не видал? А здесь я... с народом рядом!

– Ря-ядом, – протянула Мелисса. – Извини, Герман, мне нужно идти. Уже посадку объявили.

– Да куда он не денется, самолет этот, – сказал Садовников. – Без нас не улетят. Коля, еще виски закажи там. Ну, а как вообще жизнь? Ну, что ты прославилась, я знаю, это все знают, а жизнь как? Семья? Дети?

Жизненно важный механизм застучал еще сильнее, теперь он бил в горло и желудок, и от этого мягко подкатила тошнота. Тугой комок тошноты, похожий на скрученную вату.

Волосатый комок скрученной ваты в горле.

Она не станет вспоминать. Она не может вспоминать.

Ей было двадцать пять лет, и она забеременела от него, идиотка. Мало того что забеременела, так еще имела глупость ему об этом сказать.

Идиотка, стучал моторчик. Раззява, визжал моторчик.

Он требовал сделать аборт, а она отказывалась. Во-первых, она сильно его любила, а во-вторых, мама сказала, что нельзя прерывать первую беременность. Это может кончиться плохо. В-третьих, она, романтическая дура, убедилась, что он тоже ее любит и просто не понимает своего счастья.

Три месяца он не давал ей проходу, настаивал на аборте, и в конце концов, очень удивленная, она сказала ему, что ее беременность не имеет к нему никакого отношения, что она все равно родит и они с мамой и папой...

Моторчик уже не просто трясся, он подпрыгивал и захлебывался, и было ясно, что дальше вспоминать нельзя.

Срок был уже почти четыре месяца, когда Герман явился к ней домой. Выходной день, родители на даче, и она стала поить его кофе и кормить ватрушкой, которую утром пекла мама, так что пахло на весь дом, а ее невыносимо тошнило. Она всегда очень любила запах маминых пирогов, но теперь по утрам ее то и дело рвало, и мама уговаривала ее потерпеть, уверяла, что скоро пройдет.

Что он подливал ей в кофе, она так и не узнала, но вдруг ее повело, в глазах поплыли чернота и зелень, и еще какие-то невозможные горящие круги. Она время от времени приходила в себя и опять теряла сознание. Она помнила его машину – уже в лохматом девяносто пятом году у него был лимузин, и она вдруг словно сознавала себя в этом лимузине, в пижаме и тапочках, неудобно завалившейся на сиденье.

Он привез ее к себе на дачу. Там ее привязали к кровати и сделали аборт, без наркоза и обезболивающих. Она помнила, как возлюбленный и отец ее погибающего ребенка деловито распоряжался, чтобы «тащили на чердак, потому что внизу она все кровью зальет», и какой-то пьяненький мужчинка, от которого несло гороховым супом, луком и водкой, лез ей внутрь, ковырялся и чем-то гремел, а она орала и вырывалась, а потом перестала, когда ничего не осталось – ни ее, ни ребенка, только огромная боль, похожая на те самые жуткие круги в глазах.

Она очнулась нескоро, в крови и грязи, когда уже никого не было на даче, только глуховатая домработница, которая швырнула ей какие-то штаны и велела убираться, пока ее не погнали из «приличного дома грязными тряпками»

– Ошалели совсем, шлюхи! Уж и в дом лезут, шалавы проклятые! Убирайся отсюда, убираться, кому говорят! Подлегла под мужика, а отвечать не хочешь? Изгваздала мне тут все! Пошла отсюда!..

Никто не стал подавать в суд, и отец, вопреки сюжету кинофильма «Ворошиловский стрелок», не пошел с ружьем убивать ее возлюбленного.

Отец ни о чем и не узнал. Он умер бы, если бы узнал, а Мелиссе, тогда еще Миле Голубковой, не хотелось, чтобы из-за нее погиб не только ребенок, но и отец.

Ей самой Герман все объяснил:

– Ты дура совсем, – сказал он, покуривая сигаретку. – Ну зачем мне твой ребенок? У меня карьера, работа, меня пресс-секретарем в Женеву отправляют, я женюсь в июле. Моя девушка – дочь Филиппова, ну, Филиппова, у него компания «ННН», по телевизору каждый день реклама. А кто тебя знает, вдруг ты с меня алименты потребуешь или станешь к ней приставать, чтобы она тебе на ребеночка давала, а у нас с ней все по-честному, любовь у нас с ней!.. Она знает, конечно, что я не последний девственник Америки, но детей у меня нет и не было. А ты не трусь, жопастая! Ты себе найдешь автослесаря или крановщика, или летчика найдешь, и все будет у тебя тип-топ! Поняла, что ли? И не вздумай в милицию стукнуть. У нас везде свои, и генеральный прокурор вчера у нас на даче соседскую Маринку шупал! Они с отцом подпили, ну, и куражились по пьяной лавочке, козлы старые! Так что, если проблем не хочешь, сиди тихо и спокойно, получай удовольствие от жизни. И матери своей скажи, чтобы получала. Если полезете на меня в открытую, я тебе даже легкой смерти не обещаю. Монтировками забьют, да еще трахнут по кругу. Каждую. Поняла, жопастая?!

Она долго лечилась, да так и не вылечилась.

Месяца через два из Министерства иностранных дел, в котором она служила и где когда-то начался роман с красавцем и умницей Садовниковым, ее уволили «по сокращению штатов». А потом у нее какая-то сложная болезнь сделалась, вроде мозговой горячки, и она еще лежала в институте нервных болезней на Шаболовке.

С тех пор прошло десять лет.

С тех пор не было ни одной ночи, когда она не просыпалась бы от собственного воя, и все ей виделась металлическая кровать с сеткой, к которой намертво прикручены ее раздвинутые ноги, и между ними мужик, пахнувший луком и водкой, который ковыряется и страшными инструментами убивает ее почти четырехмесячного ребенка.

Жизнь не кончилась. Жизнь стала совсем другой.

– Кто на Петербург? – истошно закричала рядом тетка в синем плаще и с рацией, которую она смешно держала под мышкой. – Проходим, кто на Петербург! Сюда проходим!

– Дурдом! – пробормотал лидер партии «Россия Правая». – Вроде в Европе живем, а орут как в деревне! Ну, вот теперь пошли!

– Ты тоже в Питер?

– Это ты *тоже*, – сказал он с нажимом. – А я именно в Питер.

Мелисса повесила было на плечо ноутбук, но Садовников мигнул, кивнул, подскочил охранник и снял ноутбук у нее с плеча. Мелисса не давала, но он все равно снял.

– Позволь уж мне поухаживать, – Садовников галантно пропустил ее вперед.

– Да ведь это не ты ухаживаешь, а твой... прихехешник.

– Кто?

– Здравствуйте! – заулыбалась, увидев Мелиссу, девушка на контроле. – А вы Синеокова, да? Мелисса Синеокова? Я все ваши книжки прочитала, и передачи смотрю!

– Спасибо вам большое!

– Да какая она Синеокова, она Голубкова! – с веселым глумлением воскликнул рядом Герман. – Не верьте ей, девушка, я это точно знаю!

Девушка посмотрела на него. Мелисса сжала в кармане джинсовой куртки телефон.

Ну, позвони. Ну, позвони же.

Скажи, что ты меня любишь, что я тебе нужна. Что у нас все хорошо.

Ну, пожалуйста.

Они спускались по лестнице, и Герман ее даже под руку придерживал, кавалерствовал изо всех сил.

– Так как семья? Дети?

– Отлично, а как у тебя? Как твоя жена?

– Которая? – весело удивился он. – У меня уже третья.

– А она чья дочь?

– М-м-м, – протянул Садовников, – ты еще и кусаться хочешь? Она дочь Рахимова, президента «Интер-нефти». Двое пацанят, один от той, а второй уже от этой.

Они спустились в квадратное помещение под крышей, где сильно дуло и тянуло сигаретным дымом.

Мелисса достала сигарету и быстро закурила.

Сейчас придется выключить телефон, а он так и не позвонил.

Не позвонил, несмотря на то, что в зале ожидания к ней привязался Садовников!..

– Ну а принудительные аборт ты больше никому не делаешь? Или предохраняться научился? Кто там у вас в комитете по делам материнства и детства? Страхова Тамара? Небось, она тебя научила планированию семьи и использованию презервативов по назначению, а Герман?

Он вдруг сильно испугался. Неожиданно сильно.

Большое, крепкое, белое лицо дрогнуло, и он стрельнул по сторонам глазами, и от этого стал похож на рецидивиста Копченого из знаменитого фильма.

– Ты бы держала язык за зубами, – сказал он тихо. – По старой памяти. У тебя все равно ничего нет. Ни свидетелей, ни доказательств.

– Зачем мне свидетели и доказательства, Герман? – спросила Мелисса спокойно. Жизненно важный моторчик затихал, работал уже почти спокойно, постукивал себе. – Я тебе репутацию могу в два счета испортить. Пара публикаций, к примеру, в газете «Власть и Деньги» и еще в каком-нибудь «Бизнесе», и достаточно.

– Я тебе не Тони Блэр, меня на мушку не возьмешь. Ну и что – публикации? Кто в них поверит?!

– Да никто не поверит, – продолжала Мелисса, с изумлением обнаружившая, что он боится! Она видела его испуг, как будто это было написано черной краской на его сером плаще. Огромная кривая надпись – я напуган.

– Вот именно.

– Никто не поверит, если Катя Сидорова из Тамбова напишет, что забеременела от Дмитрия Нагиева. А я-то ведь не Катя Сидорова из Тамбова. Мне люди доверяют. Да ты только что видел, наверное!

– Извините, пожалуйста, вы Мелисса Сионеокова, да?

– Да. – Она повернулась, нацепила улыбку «даешь знаменитость». – Вам автограф?

– Если можно.

– Конечно, можно. – Мальчишка лет семи, которого женщина держала за руку, заглядывал снизу ей в лицо, и отец улыбался издалека. – А как зовут вашего сына?

– Егор. А мужа Дима!

Мелисса подписала всем троим, сигарета ей мешала, и она все время разгоняла дым свободной рукой.

Герман наблюдал за ней.

– Только попробуй что-нибудь вякнуть прессе, – тихо сказал он, как только троица отошла, – и я тебя убью.

– Или я тебя, – предложила Мелисса. – Хочешь? Ты отстал от жизни, Герман! У меня теперь миллион возможностей, много денег и даже собственная служба безопасности!

Тут она приврала немного. Никакой такой службы у нее нет, конечно, но у нее есть Василий. То есть был. До вчерашнего дня.

– Посмотрим, – сказал Садовников задумчиво, будто уже начал прикидывать, как именно он ее убьет.

– Посмотрим, – согласилась Мелисса.

Играла арфа, и журчащие, перетекающие звуки действовали Лере на нервы. Вся обстановка в духе начала прошлого века – латунные ручки, газовые рожки, амуры, красный плюш, начищенный медный самовар на гнутых упористых ногах и официанты в русских рубахах, – казалась надуманной и слишком претенциозной.

Лера Любанова, которая очень любила этот прославленный отель в самом центре Санкт-Петербурга, его традиционность, аристократическую сдержанность, его обеденные залы в «русском духе», его паркеты и люстры, которая специально выбрала для переговоров именно это место, полагавшая, что только здесь она будет чувствовать себя деловой, успешной и уверенной, теперь сидела и маялась.

Лере Любановой хотелось «на волю».

Исаакиевская площадь за высокими окнами с частыми переплетами была залита солнцем, полосатые «маркизы» трепетали на свежем балтийском ветру, от них на тротуар ложились веселые дрожащие тени. Гигантский купол собора сиял, к широким ступеням то и дело подкатывали туристические автобусы, из которых выплескивались толпы веселых озабоченных туристов с камерами на животах. В крохотном круглом скверике бегали дети и на лавочках сидели парочки – по одной на каждой лавочке.

Лере хотелось в этот скверик, посидеть на лавочке с сигаретой, а потом, не торопясь, пойти к Исаакию, обойти его со всех сторон, пересечь дорогу, влезть на каменный парапет, окружающий сад возле Адмиралтейства, пройти немного по парапету, спрыгнуть на гравий, дойти до грозного императора на горячем скакуне и постоять рядом. Когда-то она читала, что страшная змеюка, которую придавил копытом императорский конь, вовсе не символ, как впоследствии придумали историки, а просто еще одна точка опоры. Никак не получалось у Фальконе сделать так, чтобы царь и его скакун держались всего только на двух лошадиных копытах, вот и пришлось придумать змею – для поддержки.

Вот так всегда бывает. Чем банальнее объяснение, тем меньше в него верится! Хочется, чтобы было красиво, загадочно и немного тревожно – конь топчет врагов, которые выползают из нор и силятся ужалить, но они уже повержены, раздавлены, и царь-победитель, вылетевший на самый край Гром-скалы, смотрит только вперед, не удостаивая раздавленного змея взглядом! И при чем тут, скажите, какая-то глупая точка опоры?!

«На волю» нельзя. У нее переговоры. Она должна быть здесь.

И даже когда они закончатся, она все равно не сможет влезть на парапет, окружающий сад Адмиралтейства, и походить по нему, потому что и тогда все равно будет должна.

Должна позвонить в Москву, должна обсудить все с Полянским, который что-то бледен и сильно нервничает, должна позвонить в Лондон и отчитаться. Должна, должна, должна!..

Еще ее раздражало, что этот напыщенный тип Герман Садовников разговаривает с ней как будто свысока, а, с ее точки зрения, это недопустимо. На данный момент времени они абсолютно равные партнеры, и от Леры Любановой во многом зависит, как именно лидер пар-

тии «Россия Правая» проведет следующие полтора года. Ударно, толково и с блеском, как спаситель отечества, или уныло потягивая из-за забора, как дворняга на привязи.

Кроме того, ее очень смущала некая личность, которая сидела довольно далеко, полускрытая арфой и колоннадой, забранной по периметру решеткой из позолоченных прутьев. Никак она не могла разобрать, что это за личность, а ей непременно нужно было выяснить, кто это. Издалека, из-за арфы и колоннады с решеткой, эта личность очень походила на Андрея Боголюбова, владельца газеты «БизнесЪ», и его появление «на том же месте и в тот же час», когда Лера проводила судьбоносные переговоры, могло свидетельствовать о чем угодно, и о самом плохом.

Секьюрити Садовникова «охранял» шефа как-то прямо посреди зала, очень нарочито, – смотрите, мол, вот какой это большой человек, у него есть даже собственный охранник! Он сидел спиной к ним, выдвинув стул прямо к арфе, и это тоже не нравилось Лере.

Она была искренне убеждена, что Герман Садовников как таковой никому не нужен, и ходить с охраной на переговоры очень глупо. Впрочем, может, он не нужен как лидер партии «Россия Правая», а нужен как хозяин подпольной фабрики по производству контрафактных кассет и дисков? Может, у него есть такая в запасе?

Единственное утешение было в том, что кофе огненный и очень вкусный, и апельсиновый сок здесь подавали в маленьких стеклянных кувшинчиках, и льняные салфетки были так туго накрахмалены, что твердо лежали на коленях, и тяжелые серебряные приборы были начищены до блеска, а официантки походили на учительниц французского со своими выпрямленными спинами и интеллигентными петербургскими улыбками.

Герман Садовников уже час ходил вокруг да около, закладывая пируэты и виражи, поражал Лерино воображение знаниями международной и внутренней политики, а также дружбой с сильными мира сего.

По его словам выходило, что вчера он обедал с губернатором Санкт-Петербурга, позавчера с мэром Москвы, а третьего дня только было собрался отобедать с президентом и не смог, дела задержали в Вашингтоне. Пришлось президенту одному обедать.

Лера Любанова, которая до сего дня не была близко знакома ни с кем из «правых», все время ловила себя на мысли, что если уж лидер фракции такой болван, то немудрено, что на парламентских выборах эта самая фракция получила полтора места, да и то по чистой случайности.

Впрочем, может, он не болван, а просто считает, что именно так должно производить впечатление на даму?..

– Может быть, еще кофе?

– Да, пожалуйста.

Садовников махнул рукой официантке – учительнице французского, и стал раскуривать сигару.

Должно быть, в книге прочитал, что Уинстон Черчилль, политик всех времен и народов, любил сигары, и теперь тоже любит. Как Черчилль.

– Я ведь так понял, – сказал Садовников, на миг прервав свое занятие, – что вы получили из Лондона недвусмысленные указания, и наша с вами встреча на самом деле чистой воды проформа.

– Указания? – пробормотала Лера и посмотрела на Полянского. Тот моментально поднял брови, да так и оставил их поднятыми, в знак чрезвычайного изумления.

– Указания из Лондона, – повторил Садовников терпеливо и стал опять раскуривать сигару, окружив себя облаком дыма. – Мы просто должны подписать бумаги, так сказать, скрепить то, что уже определено.

– Вы думаете?

– А разве не так? Указания получены, и вам остается только их выполнить.

– А... кто получил указания из Лондона? – уточнила Лера. – Роман, ты получал из Лондона указания относительно Германа Ильича?

Полянский уверил, что ничего такого не получал.

– И я не получала. Вот Герман Ильич говорит про какие-то указания! Или парламентская фракция «Россия Правая» всегда живет в соответствии с указаниями из Лондона?

Садовников сладко пыхнул сигарой, прикрыл глаза и усмехнулся.

Он терпеть не мог амбициозных стервозных баб, уверенных, что они чего-то стоят! Чего ты стоишь, дура? Ну, трахаешься ты с лондонским сидельцем, небось каждую субботу на сеанс летаешь, ну, держит он тебя как главного редактора, ну, ты хоть отчет-то себе отдавай! Да он тебя мог кем угодно назначить, хоть главным редактором, хоть главной балериной Большого театра, хоть главным начальником всех начальников! Сиди себе тихонечко, хлопай своими глазищами, деловую хватку не изображай! Откуда у тебя, бабы, может быть хватка? Еще скажи, что у тебя мозги есть! Нет, ей-богу, он, Герман Садовников, всех баб посадил бы по домам, раздал бы каждой в правую руку ложку, а в левую кастрюлю, или сковороду, на выбор, и пусть себе сидят! Вон как у мусульман! Все правильно организовали ребята – на голову платок, на улицу без мужа ни нога. Если хорошо себя ведут, их кормят, а плохо, так их в реке топят, и все идет отлично! Его, Германа, третья жена, дура дурой, впрочем, как и две первые, так и делала – просиживала бикини на пляже в Ницце и на Кипре, тратила отцовские миллиончики. То виллу купит, то «Ламборджини», то вдруг шубу из невиданного меха. Не видать ее, не слышать, где там она, ау-у-у! Впрочем, прислуга доносит, выпивать начала, зараза, от скуки и безделья, а заняться нечем. Чем ее займешь?.. Ребенка ей он уже сделал одного, так она его в глаза не видала, этого ребенка-то! Мамки, няньки, гувернеры, бонны, да в конце концов тесть с тещей татарских кровей уволокли его к себе на воспитание. Воспитывать они его будут!.. Тесть в прошлой жизни начальником вахты был на вышке, из него воспитатель, дай бог каждому! А теща в тресте ресторанном за арифмометром сидела, тоже воспитательница аристократов, она навоспитывает, пожалуй!.. Бриллианты пудовые, в Париж на завивку летает, зубы в Лондоне вставляет, а носовой платок до сей поры в рукаве носит, засунутый за обшлаг, и сморкается, как в водопроводную трубу дует!..

– Валерия Алексеевна, – начал Герман, потешаясь, – мы прекрасно понимаем друг друга, не делайте вид, что не знаете, о чем идет речь. И давайте уже заканчивать наши с вами беседы. Я только вчера прилетел, меня губернатор ждал, пришлось сразу к нему ехать!.. Бумаги о том, что ваша газета... как она называется? «Бизнес и власть»?

– «Власть и Деньги», – тихо напомнил Полянский.

– Да-да, именно, как это я запомнил?.. Так вот, бумаги о том, что газета поддерживает на выборах нашу фракцию, уже готовы. Если господин Сосницкий не считает нужным вводить вас в курс дела, то я не имею на это никаких полномочий! – И он мило улыбнулся. – Но тем не менее уверяю вас, что наше предполагаемое сотрудничество будет происходить с его полного одобрения. Он мне сам позавчера...

– Что? – уточнила Лера.

– Он позавчера мне по телефону сказал, что все наши предварительные договоренности остаются в силе, и он даст вам указание просто подписать несколько листочков с разными пунктами. Такие листочки называются договором.

– Позавчера у Вадима не работал телефон, – сердечно сказала Лера. – Какие-то проблемы со спутником.

Но мелкий бабий укус Садовникова ничуть не обескуражил.

– Ну, может быть, я ошибся. Значит, не позавчера, а накануне. Знаете, у меня столько работы, что я иногда путаю дни недели. Так что, если у вас нет ко мне никаких вопросов, встречу можно заканчивать.

– Зачем тогда было ее начинать? – спросила Лера. – Я убеждена, что мы *на самом деле* должны договориться.

– Ну, мы с Вадимом уже обо всем договорились, уверяю вас!..

Тут подряд произошло два события.

Широкие двери старинного лифта, который важно ходил в золотой клетке под часами, неторопливо разъехались, и из него вышла очень высокая молодая женщина в джинсовом костюме. У нее был замученный вид, а на носу темные очки.

– Мила! – закричала Лера и полезла через ноги Полянского. Тот посторонился. – Милка! Высоченная остановилась и посмотрела по сторонам в недоумении.

– Милка, ты же сказала, что утром будешь уже в Москве!

Мелисса Синеокова подняла на лоб очки и повернулась совсем в другую сторону, не в ту, где была Лера, и неуверенно улыбнулась равнодушной тетке иностранного вида. Тетка удивленно улыбнулась в ответ.

Лера подлетела и дернула ее за плечо:

– Дура, ты куда смотришь! Разве я оттуда кричу?

– Лерка! Откуда ты взялась?!

– У меня переговоры, – зашептала Лера Любанова и незаметно показала на Садовникова с Полянским, которые не отводили от них глаз. – Во-он с тем козлом. Козел называется Герман Садовников, он лидер правой думской фракции. Он меня уже извел, честное слово!

– Да, – сказала Мелисса Синеокова негромко, и глаза у нее сузились. – Я его знаю. И вправду козел.

– Почему ты не в Москве?

– Съёмки внезапно отложили. Я их жду.

Лера подбоченилась.

– Как это ты их ждешь?!

– Ну, продюсер позвонил и сказал, извините, пожалуйста, у нас все откладывается на два дня. Ну, не отменять же, раз уж я все равно здесь. Вот я теперь жду. – Она говорили и отводила глаза, совершенно точно зная, что Лера сейчас будет ругаться.

Лера принялась ругаться:

– Слушай, Синеокова ты моя, все-таки ты ненормальная! Ты же звезда первой величины, черт тебя побери! Какого рожна ты торчишь в Питере и ждешь съёмок, если они отменились, как ты выражаешься! Немедленно садись на самолет и дуй в Москву! Тебе больше делать нечего, только съёмок ждать?!

– Да, но я все равно уже здесь...

– Здесь! Ты сейчас здесь, а через два часа будешь в Москве! Васьки на тебя не хватает! Звони ему немедленно, пусть он тебя встречает!

– Валерия Алексеевна! – негромко, но очень-очень внушительно позвал Садовников. Внушительность его голоса перекрыла даже звук ручейков, растекавшихся от арфы.

Лера повернулась к нему спиной.

– Звонить я не буду, – сказала Мелисса Синеокова, знаменитая писательница. – Я на него обиделась.

– Ну и дура. Он тебя что, побил?

– С ума сошла?!

– Значит, оскорбил словом?

– Не хочу я рассказывать!

– Послал бог подругу, – под нос себе пробормотала Лера Любанова, – ничего толком не добьешься, двух слов не может связать! Сидит одна в гостинице в Питере, ждет съёмок! Угораздило же!

– И вообще у меня температура, – сказала Мелисса Синеокова печально. – Тридцать восемь и семь. Представляешь?

Лера закатила глаза.

– А куда тебя несет, сокровище, с такой температурой?! Тебе лежать надо! Возвращайся в номер и ложись немедленно, я к тебе сейчас приду. Ты в каком?

– В четыреста шестнадцатом, только лежать я больше не могу, полдня лежу. Я в скверик выйду, на солнышке посижу и вернусь. А ты приходи ко мне. Только одна, без... этих.

– Еще мне не хватало этих по чужим номерам водить! И как это так получается, что как только Васька отвернется, тебя обязательно по башке стукнет? В прошлом году упала так, что ходить не могла, из машины вывалилась, помнишь! А он только за сигаретами отошел!

– Ничего я не помню, – упрямо сказала Мелисса, которой не хотелось думать о том, как ей плохо без Васьки. – Иди, они уже замучились тебя ждать. А я посижу на лавочке и вернусь.

– Я тебя заберу в Москву сегодня, – вслед ей сказала Лера. – Температура у нее, а она в Питере съемок ждет, которые отменились!..

Она смотрела, как Мелисса Синеокова идет по просторному и чистому холлу, застланному поверх мраморной плитки коврами, как кивает и улыбается всем входящим и выходящим, как внезапно чихает и утирает нос, как отступает с дороги, потому что навстречу ей в высокие двери вдруг ввалилась целая толпа людей.

Толпа как-то моментально распространилась по всему помещению, между ваз и колонн. В центре ее вышагивал высокий человек в длинном пальто. Он не шел, а именно вышагивал, по сторонам не смотрел.

Лера моментально его узнала.

Ахмет Баширов, один из самых богатых и удачливых предпринимателей, непримиримый враг Вадима Сосницкого.

Сердце вдруг застучало. Только что не стучало, как будто и не было у нее никакого сердца, а тут объявилось!

Что это может значить?..

Совпадение? Случайность? И тот человек за колонной, похожий на Андрея Боголюбова, тоже случайность?..

Или Сосницкий задумал какой-то сложный спектакль, и теперь они все просто играют роли, разевают рты, делая вид, что говорят, и водят руками, делая вид, что жестикулируют, а невидимый кукловод из Лондона дергает за ниточки? Или тут что-то другое?..

Но что? Что?..

Мелисса скрылась из виду – ей было наплевать на Баширова и Сосницкого, и Лера осталась совсем без всякой поддержки. На Полянского в этом смысле надежды нет никакой.

– Валерия Алексеевна!

Она вернулась за столик, краем глаза наблюдая за передвижениями Баширова по лобби-бару, в котором они сидели. Вот он скинул пальто на руки одного из охранников, вот кивнул официантке, вот неторопливо оглядел всех сидящих, одного за другим.

У него были очень темные волосы, широкое нерусское лицо и узкие внимательные глаза.

Татаро-монгольское иго.

– Ахмет Салманович пожаловал, – сказал Садовников негромко, и Лера поняла, что он нервничает. – Прошу прощения, я должен поздороваться.

Неторопливо, как будто унимая свой страх, он поднялся и сделал несколько шагов, и замер, остановленный охраной.

Охрана Баширова сильно отличалась от охраны Германа Ильича – амбала, в единственном числе восседавшего на стуле посреди лобби-бара. Их было четверо, и все с одинаковыми бульдожьими лицами и витыми проводами микрофонов, засунутыми сзади за воротники одинаковых пиджаков. Во все стороны они одинаково поворачивали головы, как будто никак не

могли найти, на чем бы им сосредоточиться, и Германа Ильича отсекали уже на подступах к Баширову.

– Ахмет Салманович!

– А-а, здравствуй, Герман!

Узкие темные глаза скользнули по председателю думской фракции, а заодно и по Лере с Полянским, – и Баширов прошел мимо, не подав председателю руки.

Лера отвернулась.

Нехорошо это. Каким бы там ни был Садовников, но унижать людей при всем честном народе недостойно. Ей-богу, недостойно.

За чистым стеклом изливалось весеннее яркое солнце, сиял Исаакий, скакала собака по изумрудной майской траве скверика, и на лавочке в отдалении, сгорбившись, сидела писательница Мелисса Синеокова, поминутно прикладывая к носу платок.

Садовников вернулся за стол. Смотреть на него Лере было неловко.

– Ну, – преувеличенно бодрим голосом объявил он, – я думаю, что пора заканчивать. На следующей неделе жду вас в своем офисе, Валерия Алексеевна, мы подпишем договор о сотрудничестве и, помолясь, начнем.

– Я готова посмотреть договор прямо сейчас.

– Сейчас у меня его нет, извините. Да и место, прямо скажем, не слишком подходящее. Господину Сосницкому я передам, что вы произвели на меня самое благоприятное впечатление.

– Герман Ильич, – сказала Лера твердо. – Будьте осторожны. По-моему, вы выбрали неправильную линию поведения.

– Отчего же?

– Оттого, что я не секретарь редакции. Я главный редактор газеты «Власть и Деньги». Это совсем другая позиция.

– Вы думаете? – усомнился Садовников. – Хорошо, учту.

Полянский, которому этот наглый индюк уже давно надоел, вытащил телефон и стал тыкать в кнопки.

Садовников, не глядя, бросил в раскрытую папку со счетом какие-то купюры, сделал знак охраннику и подождал, пока тот подаст ему плащ.

– Мы закончили и возвращаемся, – говорил в трубку Роман Полянский. – Константинову передайте, чтобы не забыл про машину.

– Ну, до свидания, – сказал Герман Ильич и сделал любезное лицо. – Позвольте только вопрос напоследок, Валерия Алексеевна?

– Да, конечно.

– А кто эта женщина, с которой вы говорили у лифта? Очень знакомое лицо.

– Мелисса Синеокова, знаменитая писательница. Очень неплохие детективы. Не читали?

– Я не читаю подобного рода литературу. Времени жаль. А... она здесь живет?..

– Да, – язвительно сообщила Лера, – представьте себе! В четыреста шестнадцатом номере!

Герман сверху вниз посмотрел на нее. Вид у него был озабоченный.

– Ну, в таком случае до свидания, рад был встрече.

Сдержавшись, чтобы не сказать грубость, Лера кивнула. Полянский коротко поклонился.

Они проводили думского деятеля взглядами и как по команде уставились друг на друга.

– Что это было? – наконец, спросила Лера. – Что это за комедию и фарс он тут разыгрывал?!

– Черт его знает, – сказал Полянский, сел и потер лицо.

– Мне кажется, он просто мечтал, чтобы я плюнула ему в лицо и сказала, что он может убираться ко всем чертям! Или это все... игра?

– Черт его знает, – повторил тезка знаменитого режиссера.

На улице, за высокими окнами с декадентскими переплетами разгорался скандал, который неожиданно привлек внимание Леры.

Охранники отеля пытались выпроводить со свободного пятка напротив парадной двери какую-то грязенькую «газель». Ее водитель размахивал руками, пытаясь что-то объяснить, срывал бейсболку и бил ею о колени, но не уезжал. Сзади причалил огромный, как слон, туристический автобус, из которого высыпали японцы. Их была уже целая толпа, а они все продолжали и продолжали сыпаться, как будто там, внутри автобуса, их хорошо утрамбовали перед перевозкой.

Садовников стоял на тротуаре, снисходительно наблюдая за перепалкой охраны и погонщика «газели». Он разговаривал по телефону, как будто указания давал. За толстым стеклом, за декадентскими переплетами окон не было слышно никаких уличных звуков, и тут еще арфа изнемогала над ухом.

Садовников постоял, потом сунул телефон в карман, обошел грузовичок и неспешно направился через дорогу на ту сторону, где вдоль оградки скверика стояли машины.

Водитель «газели» вдруг махнул рукой, что-то длинное сказал напоследок, еще раз ударил кепкой по коленке, впрыгнул в свою машину и захлопнул дверь. Грузовичок испустил синее облачко дыма и стал выруливать с пятка. Японцы потянулись в отель, нагруженные рюкзаками, маленькие и очень старательные. Отдыхали и изучали достопримечательности Санкт-Петербурга они тоже очень старательно – у всех были камеры, фотоаппараты, на тот случай, если вдруг камера забарахлит, небольшие бинокли для лучшего рассматривания красот, карты, путеводители и разговорники.

Вы не скажете, как пройти в библиотеку?..

Яичницу с беконом, пожалуйста.

Мне очень понравился (не понравился) ваш город.

Интересно, а вариантами в скобках кто-нибудь когда-нибудь пользуется?..

Садовников дошел почти до своей машины, когда вдруг что-то случилось. Лера не поняла, что именно.

Голуби порхнули в разные стороны. Какая-то машина резко затормозила и остановилась напротив входа. Охранник Садовникова странно присел и схватился за голову, а у тех, что прогоняли «газель», сделались растерянные лица. Громадный черный джип, дремавший на углу Большой Морской, вдруг сорвался с места, потом резко затормозил, и из него выпрыгнул человек и побежал, прижимая рукой ухо, в котором был микрофон. Мелисса Синеокова в отдалении неловко поднялась с лавочки и сначала пошла, а потом быстро побежала к оградке.

– Там что-то случилось, – тревожно сказала Лера. – Слышишь, Ром?..

– Где?

– Да вон, на улице!..

Охрана Баширова по всему лобби-бару вдруг пришла в движение, они странным образом передислоцировались, и в одну секунду оказалось, что спинами они закрывают от окон своего патрона.

– Там стрельба, – тихо, но внятно сказал кто-то из них.

Арфа смолкла.

Лера бросилась к выходу, по мраморным плитам простучали ее каблучки. Навалившись, она распахнула тяжеленную дверь, которую всегда отворял швейцар, но сейчас его на месте и в помине не было.

Все увеличивающаяся толпа людей собиралась на тротуаре и на проезжей части. Лера не могла разглядеть, что там происходит. Она перебежала дорогу, ввинтилась в толпу и замерла, некрасиво приоткрыв рот.

Почти уткнувшись головой в колесо какой-то машины, на асфальте лежал Герман Садовников. Он лежал, неловко подогнув под себя руку, так неловко, что Лера подумала, что наверняка он ее отлежит, если останется в этом положении еще немного.

И только завидев шустрый темный ручеек, подбирившийся к колесу машины, она поняла, что Герман лежит, потому что он... умер.

Убит.

– ...громкое убийство, произошедшее сегодня в самом центре Санкт-Петербурга. Выстрелом из пистолета был убит лидер фракции «Россия Правая» Герман Садовников. Свидетели происшествия утверждают, что видели мужчину, убежавшего по Исаакиевской площади в сторону Вознесенского проспекта через несколько секунд после того, как один за другим прогремели три выстрела. Прибывшие на место происшествия сотрудники министерства внутренних дел и федеральной службы безопасности обнаружили в сквере брошенный пистолет с глушителем, традиционное оружие наемных убийц. На вопрос нашего корреспондента о том, как будет организовано расследование, следователь Генеральной прокуратуры по особо важным делам ответил, что в данное время идет опрос свидетелей. Убийство было совершено днем, в сквере и на улицах было много людей, поэтому у правоохранительных органов есть надежда на то, что вскоре появятся какие-то детали, проливающие свет на происшествие. В настоящее время в городе введен план «Перехват», сотрудники ДПС досматривают все подозрительные машины.

Лера сделала телевизор потише – по всем каналам повторяли одно и то же. Дотошные энтэвэшники упомянули и о ней, сказали, что в отеле погибший лидер правой фракции встречался с главным редактором газеты «Власть и Деньги» Валерией Любановой. О том, что Ахмет Баширов оказался поблизости от места преступления, упомянули тоже, но вскользь, как бы давая понять, что господин Баширов, конечно же, не может быть ни в чем замешан и даже подозревать его глупо.

Мелисса Синеокова трубно сморкалась в ванной, лила воду и вздыхала.

Лера нервно ходила по комнате из угла в угол.

Мелисса все не выходила. Лера остановилась и прислушалась.

– Мила! Сколько можно?! Ну, выходи уже!

Вода перестала течь, вздохи тоже прекратились, и на пороге показалась знаменитая писательница.

– А?

– Ты что, оглохла? Выходи, хватит там сидеть!

– Да я уж вышла, – справедливо заметила писательница.

Мимо Леры она протиснулась к широкой кровати, застланной льняным покрывалом, улеглась и до подбородка натянула плед – мерзла. Лера снова принялась ходить, и звук ее каблуков ввинчивался Мелиссе прямо в голову и затихал, только когда Любанова ступала на ковер.

– Ну? – остановившись, спросила Лера. – И что ты на все это скажешь?

И она кивнула на телевизор, в котором, теперь уже без звука, показывали все то же самое – Исаакиевскую площадь, высокие двери отеля, угол Большой Морской и полосатые ленты, огородившие «место происшествия».

– А что я могу сказать? Я толком ничего не видела. Я сидела, а он мимо меня проскочил, очень быстро. Никаких примет я не запомнила. Да они меня уже спрашивали! – и Мелисса тоже кивнула на телевизор.

– Ну, ты же у нас автор детективов! Что тебе подсказывает твое детективное чутье?

– Да ничего оно мне не подсказывает, – сказала Мелисса и повернулась на бок. Ее знобило, температура, как видно, поднималась. – И вообще мне на него наплевать. Убили и убили.

– Ты что? – как будто даже обиделась за Германа Садовникова Лера. – С ума сошла?!

– Да ну его, – пробормотала Мелисса и прикрыла глаза. – Я его терпеть не могу.

– А меня? – спросила Лера, подсаживаясь к ней на кровать. – Меня ты можешь терпеть? Не открывая глаз, Мелисса улыбнулась.

– Тебя пока могу.

– Тогда расскажи мне, как все это было.

– М-м-м... Ну, зачем тебе? Или ты хочешь провести независимое журналистское расследование?

– Я хочу понять, что происходит, – твердо сказала Лера. – Потому что у меня такое впечатление, что меня сдали.

Мелисса открыла глаза.

– Кто? Кому? Зачем?!

– Кому и зачем не знаю. А сдал Сосницкий.

– Он же твой... патрон. Зачем ему тебя сдавать?

– Я не знаю! – нетерпеливо сказала Лера, – понятия не имею! Вот слушай. Да не спи ты, а слушай, горе мое!

– Я слушаю, слушаю, – пробормотала Мелисса, подтянулась и села.

– Мы должны были подписать с Садовниковым договор о сотрудничестве. О том, что в нашей газете в оставшиеся до выборов полтора года будут выходить материалы о нем как о кандидате в президенты. Сосницкий дал добро, и мы поняли, что поддерживаем Садовникова. Толком я не знаю, обещал ли он «России Правой» еще и денег, но наш договор как раз... денежный. Потому что материалы мы, как ты сама понимаешь, размещаем не бесплатно.

– Ну да, а как же иначе. Конечно, за деньги.

– Я была уверена, что мы подпишем договор и потихоньку начнем его раскручивать. По крайней мере, Сосницкий дал мне понять, что именно так все и будет. Как обычно. Потом, правда, я усомнилась, но это... другой разговор.

– Какой другой?

Лера нетерпеливо передернула плечами и заправила за уши буйные черные кудри, которые лезли ей в глаза и мешали говорить.

– Все получилось очень странно. Садовников разговаривал со мной так, словно, во-первых, он значительно больше меня знает, во-вторых, ему моя газета ни за каким чертом не нужна, а в-третьих, он совершенно уверен в том, что наша встреча чистая проформа. Он чуть не зевал, когда со мной разговаривал.

– Он всегда так делает.

– Что значит, всегда? Ты что, знаешь его?

Мелисса пожала плечами:

– Да так. Встречались пару раз, еще в прошлой жизни. Я одновременно с ним в МИДе когда-то работала. Только я была никто, клерк, а он начальник департамента какого-то. Я уже забыла.

Лера не стала вдаваться в подробности – и напрасно.

– Это все очень подозрительно, понимаешь? Почему-то в лобби оказался Баширов и еще какой-то мужик, со спины очень похожий на Боголюбова.

– Кто такой Боголюбов?

– Владелец газеты «БизнесЪ», ты что, не знаешь? Они наши прямые конкуренты, и я не понимаю, как он оказался в том же месте, где у меня были назначены переговоры с Садовниковым!

– А что тут такого-то?

– Да то, что до последнего времени никто не знал, кто получит заказ от «России Правой», мы или они! Вроде бы получили мы, а они остались с носом. Но откуда Боголюбов мог узнать, что мы сегодня и именно здесь встречаемся с Садовниковым?! Или меня кто-то из своих сдает?

– А что, у тебя в редакции не знали, с кем и когда ты встречаешься?

– Нет, – твердо сказала Лера. – Не знал никто, ну, о встрече в Питере знали, но о гостинице я никому не говорила. Даже Роме Полянскому, ну, тому красавцу, с которым я сидела за столом.

– Я не обратила внимания.

– Ну понятно, – язвительно протянула Лера, – ты ни на кого не обращаешь внимания. Странно еще, что на Ваську обратила. Впрочем, на него трудно не обратить, больно здоровый!

– Он мне не звонит, – сказала Мелисса и отвела глаза. – Он со вчерашнего дня так со мной и не помирился.

– Ах, боже мой, что за дела! – Лера опять заправила за уши волосы. – Позвони и помирись сама.

На это Мелисса ничего не ответила.

– Да, – вспомнила Лера. – Даже Роман не знал. То есть он знал, что мы встречаемся с Садовниковым в Питере, но где и когда, я ему не говорила до последней минуты. Нас просто встретила машина и привезла в гостиницу, только и всего.

– Ну, вот как автор детективов, хочу тебе сказать, что это означает только то, что никто из ваших в убийстве не замешан.

– Почему?

Мелисса пожала плечами.

– Потому что оно явно спланированное, а если никто из ваших не знал, где вы встречаетесь, то и убийство планировать не мог.

– Да это все понятно! Мне непонятно, почему его убили практически у меня на глазах, зачем?! И днем, и в присутствии охранника!

– Охранник не помог, как видишь. Подстрелили как мишень.

– Знаешь, – сказала Лера, – ты с таким удовольствием это говоришь, что мне противно! Все же он был человек! Че-ло-век! И его убили у нас на глазах!

– Ну и ладно, – Мелисса отвернулась к окну, за которым в голубом небе пылал златоглавый Исаакий. – Мне нет до него никакого дела. Мне наплевать. Я даже думать о нем не хочу.

– Да это же убийство!

Мелисса вздохнула.

– Есть такие преступления, за которые убийце нужно орден давать, а не в тюрьму сажать. В этом случае я бы точно орден дала.

Лера засмеялась.

– Милка, у тебя припадок необъяснимой ненависти! Тебе нужно выпить чаю с коньяком и медом.

– У меня на мед аллергия. И потом, он не помогает от ненависти!

– Слушай, – вдруг сказала Лера, – а может, это ты сама его убила? Может, и не было никакого человека, который быстро побежал в сторону Вознесенского проспекта? Или был, но просто бегун, участвующий в весенней эстафете, к примеру, а? А ты дождалась, пока он выйдет из отеля, прицелилась и чпок! Готово дело. А потом выбросила пистолет и пошла посмотреть на свою работу. Как тебе такой сюжет для романа?

Мелисса Синеокова, Людмила Голубкова, вдруг так изменилась в лице, что Лера Любанова перепугалась. Она решила, что знаменитая писательница сейчас хлопнется в обморок.

– Мила, ты что?

– Ничего. – Она взялась за лоб, очень холодный и влажный, и некоторое время посидела так, с рукой, прижатой ко лбу. – Но, если хочешь знать, я на самом деле очень рада, что его убили. И давай больше не будем говорить об этом.

Давай больше не будем говорить об этом. Эта фраза, как будто из кино, словно сказанная кем-то чужим, окончательно перепугала Леру. Она слишком хорошо знала свою подругу, чтобы просто «перестать говорить об этом».

Я знаю гораздо больше, чем могу сказать, вот как Лера поняла эту фразу.

Я знаю очень много, но ничего тебе не скажу, вот как поняла свою подругу главный редактор самой популярной в России газеты.

Тут в дверь номера постучали, и Лера пошла открывать, а Мелисса опять улеглась на подушки и по уши натянула плед.

– Лера, извините меня, пожалуйста, за вторжение.

– Проходи, Рома, не стесняйся. Правда, у нас тут больные и раненые, но это не страшно. Они все одеты.

Роман Полянский вошел в просторную комнату, осененную золотым сиянием близкого Исаакия, и неловко замер, увидев лежащую на кровати знаменитую писательницу.

– Здравствуйте.

Писательница выглянула из-под пледа:

– Прошу прощения, я не в форме, – слабым голосом умирающей вымолвила она, но вдруг, словно заинтересовавшись, приподнялась на локте и посмотрела пристально. – Присаживайтесь, пожалуйста.

– Вежливая наша, – пробормотала Лера из-за спины Полянского. – Ложись, не вскакивай! Что случилось, Роман?

– Мне только что позвонили из «России Правой», – тихо и быстро начал Полянский, но остановился, взглянув на Мелиссу, которая смотрела во все глаза и слушала во все уши. – Наверное, нам надо обсудить это наедине.

– Наедине?

– Лера, у нас проблемы.

У Полянского было такое лицо, что Лера моментально поняла – что-то *на самом деле* случилось, серьезное, важное, и это изменит всю ее жизнь.

– Лера, может быть, нам лучше спуститься вниз?

Любанова покосилась на подругу, у которой теперь из пледа торчал только измученный красный нос.

– Хорошо, сейчас. Иди, Роман, я тебя догоню.

Она проводила его до двери, вернулась и еще постояла над красным шерстяным холмом, который длинно и тяжело вздыхал.

– Я сейчас поговорю с Романом, закажу тебе чай, виски, лимон и мед. Ты все это у меня на глазах выпьешь и сожрешь, – сердясь, сказала она. – Потом я позвоню твоему продюсеру и скажу, что все съемки отменяются. Потом позвоню Ваське и велю, чтобы он встречал нас в Шереметьево, я забираю тебя с собой в Москву. И не смей мне возражать! – прикрикнула она, потому что холмик протестующе завозился.

После некоторого молчания знаменитая писательница Мелисса Синеокова сказала отчетливо:

– Я так рада, что эта скотина сдохла! Ты даже не можешь себе представить.

Потом она резко села и посмотрела на Леру измученными красными глазами:

– А вот этот человек, который только что заходил, все время был рядом с тобой?

– В каком смысле?

– Ну, когда стреляли, он точно сидел рядом с тобой?

Лера засмеялась:

– Ну да. Мы прилетели из Москвы на одном самолете, приехали в гостиницу на одной машине, потом все время просидели за одним столом. А что такое?

Мелисса помолчала.

– Ничего. Но если бы он не сидел с тобой за одним столом, я могла бы поклясться, что это именно тот человек, который пробежал мимо меня после выстрела. В сторону Вознесенского проспекта.

– Этого не может быть.

– Я знаю, – печально сказала Мелисса, – но что я могу поделать, если так оно и есть?

Со ступеней Исаакиевского собора был отлично виден круглый скверик, обтянутый по периметру полосатыми лентами, которые трепетали на ветру. Не слишком густая толпа стояла вокруг, и все время подъезжали и уезжали машины.

Константинов прошел металлическое ограждение, поднялся на ступеньки и еще раз посмотрел туда.

У него было довольно много времени, которое необходимо на что-то употребить, и он решил употребить его на собор, единственное место, которое помнилось ему из того Ленинграда, в который он приезжал еще мальчишкой.

Тогда собор показался ему не просто большим, а громадным, как небо. Почему именно как небо, он не знал, но оттуда, с сумрачных небес, прямо на него спускалась огромная палка, увенчанная начищенным медным диском, и отец объяснял, что это маятник Фуко, и он показывает вращение земли.

Маленький Саша не понял, как маятник показывает это самое вращение, но ему представлялось, что земля вращается как раз вокруг этого маятника с начищенным медным диском.

Нынче в соборе не было маятника, но огромность собора взрослому Константинову показалась еще более ошеломляющей. Он не слушал экскурсовода – в собор пускали только «с экскурсией», – он стоял, задрав голову вверх, к каменным прохладным небесам, и думал о своем.

Дело, приведшее его в Петербург, было сложным и опасным, и ему хотелось, чтобы равнодушные небеса хоть в чем-нибудь ему помогли, и он просил их об этом.

Он просил, не слышал никакого ответа, но заставлял себя думать, что там, наверху, его точно кто-то слышит. Некто добрый и справедливый, кто непременно ему поможет.

Молитва должна оставаться без ответа, сказала ему как-то Лера Любанова. Потому что если тебе станут отвечать, то это уже будет не молитва, а переговоры.

Ах, как бы ему хотелось, чтобы это была не молитва, а переговоры!..

Он отдаст деньги, примет решение и больше не станет об этом думать. Он освободится сам, освободит женщину, которая ему дороже всех на свете, и все кончится.

Как в волшебной сказке.

Принцесса спит в хрустальном гробу. Потому что злая волшебница заколдовала ее, и королевич Елисей через леса и моря скачет на своем гнедом жеребце, и ему помогает ветер, и месяц, и туча...

Константинов зажмурился и потряс головой.

Петербург странно действовал на него, как будто наркотик. Вот уже и видения начались.

Королевич Елисей, надо же!..

Он сбежал по широким ступеням, еще раз, напоследок, глянул на собор, пересчитал колонны. Он много раз слышал, что они стоят без всякого фундамента, только под действием собственной тяжести, и держат своды, купол и крышу, и все никак не мог понять, как это – под действием собственной тяжести, пока рядом какой-то мужик не сказал своему сыну, который тоже не понимал и тоже спрашивал «как»:

– Ну, как, как, сынок! Вот как стакан на столе стоит, так и колонны стоят!

И все же это невозможно было себе представить, хоть Константинову давно уже было не десять лет.

А как же ураганы, шторма и знаменитые питерские наводнения, когда вода в Неве поднимается до самого Медного Всадника? А колонны, такие огромные, просто стоят, как стоит на столе стакан, – и все?!

Он посмотрел на часы, понял, что должен идти, и пошел по Малой Морской, решив обогнуть оцепление возле отеля и красные дрожащие на ветру ленточки.

Он вернется в Москву раньше Леры и Полянского, и никто ни о чем не узнает.

Никто ни о чем не должен узнать.

Улица была не слишком широкой, но очень прямой, и слева, в просветах между домами серого камня, он все время видел близкий шпиль Адмиралтейства с золотым корабликом, и с той стороны прилетал ветер, свежий и холодный, от которого горели щеки и мерзли руки. Там, за домами и Адмиралтейством, была Нева, широкая, свободная, своенравная, совсем не похожая на Москву-реку, а еще дальше Финский залив и Балтика, и студёные серые волны с белыми барашками, и зеленые башенки «сторожевиков», и трубы пароходов, которые ждут ночи, когда в городе разведут мосты.

Константинову очень хотелось посмотреть Неву и мосты, и, ловя себя на этой мысли, он пугался своего «равнодушия».

Он должен думать совсем о другом. Он должен думать о «деле», а вовсе не о том, как это выглядит, когда среди ночи мосты поднимаются и расходятся в разные стороны, освобождая дорогу кораблям.

Малая Морская очень быстро вывела его на Невский проспект, и, покрутив головой, он быстро сообразил, куда должен идти, и повернул направо, в сторону Московского вокзала.

Встреча у него была назначена на Невском, и он считал дома, опасаясь, что пройдет мимо кофейни, в которой должен был встречаться. На Невском было полно кофеен.

Еще здесь было полно людей, как будто какой-то праздник случился, пестро одетой молодежи, и старушек-туристок в кроссовках и куртках с капюшонами, детей поменьше в колясках, с мамами и папами, детей побольше, стайками или целыми классами, которых привезли на экскурсию. Двери магазинов были распахнуты настежь, откуда-то тянуло запахом кофе, и издали слышались призывы отправиться на теплоходную экскурсию по каналам и рекам Санкт-Петербурга.

Константинову хотелось по каналам и рекам и не хотелось «встречаться».

Он никогда не делал ничего такого, что собирался сделать сейчас, и ему было неудобно, маятно, как будто он по ошибке надел утром слишком тесные башмаки, и теперь они давят, жмут и уже до крови растерли пятки, но поделаться ничего нельзя – не станешь же разуваться среди улицы! И приходится терпеть, скрипеть зубами, и каждый шаг дается с трудом, а надежды на освобождение никакой! И даже вечером, когда удастся освободиться, все равно не отпустит, и болеть будет долго, и не заживать, и кровоточить.

Константинов все считал дома. Нужно ему место оказалось на той стороне Невского проспекта, и пришлось еще искать пешеходный переход, чтобы перейти. Невский был устроен как-то так, что перейти его просто посередине оказалось невозможным, и в этом, почудилось Константинову, тоже таилась какая-то особая питерская организованность, отличная от московской.

Он вошел в кофейню, искал свободный столик, не нашел и уставился на девушку в переднике, которая издали бежала к нему. В руках у нее был поднос, заставленный кофейными чашками и пустыми стаканами. В двух тесных залах ровно гудели голоса и сильно пахло табаком и кофе – такой привычный, такой успокаивающий запах!..

– Вы курите? – спросила подбежавшая девушка и улыбнулась ему быстрой улыбкой.

– Да, – признался Константинов.

– Тогда в тот зал проходите, пожалуйста. Там есть свободные места.

Скинув с плеча рюкзак, Константинов протиснулся между тесно стоявшими столиками к каменной арке, разделявшей два зала, огляделся и сел за единственный свободный столик, где была пепельница, красный цветок в узкогорлой вазе и разноцветная карточка с описанием «десертов» в металлической подставке.

Константинов изучил «десерты» с непередаваемо сложными названиями и достал сигареты. Курить ему не хотелось, но он сильно нервничал и должен был чем-то заняться.

– Вы уже готовы сделать заказ?

– Готов, – сказал Константинов. – Двойной «эспрессо», минеральную воду со льдом и лимоном и еще вот это.

Тут он ткнул в карточку. Официантка проследила за его пальцем и кивнула.

– Кофе, воду с лимоном и льдом и вишневую макамбу в шоколадной глазури. Все правильно?

– Макамбу так макамбу.

Макамба по неизвестной причине напомнила ему Тамилу Гудкову, редактора отдела «Business-леди».

Девушка отошла, и Константинов на всякий случай проверил свой рюкзак, который не давал ему покоя. Рюкзак был на месте.

Он не видел, откуда к его столику приблизился человек в бейсболке и кожаной курточке – человек как человек, самый обыкновенный. Алюминиевый стул отодвинулся с резким скрежетом, и Константинов поднял глаза.

– Ну, здрасти, – сказал подсевший к нему. – Вы Константинов?

– Как вы меня узнали?

Человек небрежно пожал плечами.

– В Интернете посмотрел. Там ваша редакция в полном составе представлена.

– Понятно.

Официантка принесла кофе и воду и вопросительно посмотрела на соседа Константинова.

– Я ничего не буду.

– Хорошо. Сейчас я принесу еще ваш десерт.

– Сладенькое уважаете, – протянул человек и откинулся на спинку стула. – Поня-ятно.

Ну, мне с вами расслаживаться некогда, и сладкое я не люблю. Значит, так. Вы мне деньги, а я вам... то, ради чего вы приехали. Где деньги?

Константинов кивнул на рюкзак.

– Здесь все?

– Да.

– Отлично, – сказал человек. – Давайте, и я пойду.

– А где информация? – спросил Константинов.

– Рома, то, что ты говоришь, – невозможно, – твердо сказала Лера Любанова.

Но когда она еще только договаривала это «невозможно», она твердо знала, что ее первый заместитель ничего не выдумывает, не сочиняет историй и не бредит.

Он говорит то, что есть на самом деле.

Но этого не может быть!

– Набери мне Торца.

Лев Валерьянович Торц, коммерческий директор газеты «Власть и Деньги», отозвался сразу же.

– Да, Валерия Алексеевна. Тебе Роман все передал?

– Передал, но я ничего не поняла. Объясни мне.

На том конце трубки завздыхали и завозились.

– А что мне тебе объяснить? Я действовал в полном соответствии с твоими указаниями. Как только ты мне позвонила, это было... секундочку, сейчас я взгляну... это было ровно в двенадцать тридцать, я немедленно подписал договор, потому что представитель «России Правой» сидел напротив меня с этим самым договором в руках. Договор абсолютно стандартный, на каждой странице виза Садовникова, все как следует. Я его подписал, один экземпляр оставил себе, а второй отдал на руки представителю, и мы разошлись. Его фамилия... секундочку, сейчас взгляну... его фамилия Наседкин Анатолий Петрович. Вот, собственно, и все.

Лера опустила в ближайшее кресло. Роман Полянский стоял над ней, и у него был растерянный вид.

Лера переложила телефон в другую руку и заправила за ухо волосы.

– Лев Валерьянович, это я все понимаю, но только я тебе не звонила! Ни в двенадцать тридцать, ни в тринадцать. И даже в четырнадцать не звонила!

– Валерия Алексеевна!

– Лев Валерьянович!.. Этого не может быть, потому что *я тебе не звонила!* Ты это понимаешь, или нет?!

Коммерческий директор заволновался.

– Но... нет, в этом необходимо как следует разобраться! Это же очень просто проверить... у меня же есть определитель. Погоди, я посмотрю еще разок, хотя я твой голос ни с каким другим не мог перепутать!..

В трубке у Леры заиграла бодрая музыка, а Лев Валерьянович исчез.

Лера подняла глаза на Полянского.

– Роман, я не понимаю! Какой договор подписал Торц?! Что это за... сумасшествие?!

Полянский присел рядом.

– Мне позвонили из «России Правой» и сказали, что в связи с трагической гибелью их лидера все наши договоренности аннулируются, и газета должна вернуть деньги, полученные от них сегодня днем.

– Какие деньги!?

Музыка в трубке смолкла, и опять возник коммерческий директор:

– Валерия Алексеевна, я все проверил, у меня русским языком написано – Любанова! Вызов в двенадцать тридцать!.. Я сейчас нарочно мобильный телефон выключу, чтобы случайным образом, так сказать, не утратить свидетельство того, что ты мне звонила, и не поставить себя в двусмысленное положение!

– Лев Валерьянович, да какое может быть положение, если я тебе не звонила?! Полянский мне только что сказал, что «Россия Правая» требует вернуть ей деньги, которые мы якобы получили. Лев Валерьянович, ты получал какие-то деньги?!

– Нет уж, голубушка, вот тут уж я точно могу сказать, что никаких денег я не получал, и никаких финансовых документов не принимал и никому не отдавал.

Лера Любанова вдруг совершенно обессилела, как будто выстояла три раунда на ринге против Майка Тайсона.

– Значит, так. Найди мне Константинова, пусть он срочно перезвонит. Проверь все сегодняшние банковские переводы, кто, откуда и за что переводил деньги газете. Желательно, чтобы к моему приезду были готовы банковские выписки со счетов за... ну, скажем, за последний квартал.

– Голубушка, но их же делать надо неделю! Сколько через нас денег проходит!

– Значит, сделаете за оставшиеся полдня, Лев Валерьянович!

– Да я-то всей душой, но ведь банк!..

– Договорись с банком, Лев Валерьянович!

– Да я-то всей душой...

– Договор, который вы подписали, и все данные на того представителя «России Правой», который к вам приходил, факсом мне в гостиницу, прямо сейчас! Роман, узнай у портье номер факса. И еще отправьте мне на электронную почту, я посмотрю из здешнего бизнес-центра.

– У меня нет в электронном виде, – сказал Торц несколько оскорбленным тоном. – Откуда же?! Мне... на бумаге принесли! Как же я мог подписать... в компьютере!

Ссориться с коммерческим директором в такой трудный момент не входило в Лерины планы, и она сказала помягче:

– Лев Валерьянович, ты же видишь, что происходит какая-то ерунда! Ты говоришь, что я тебе звонила, а я не звонила! Роману позвонили и сказали про деньги, которые перевели на наш счет, а ты говоришь, что нам никто не переводил никаких денег! Одна надежда на то, что мы с тобой найдем все концы и свяжем их воедино.

– Голубушка, я всей душой, но ведь я-то ни при чем, ни при чем!..

– А кто при чем? – тихо спросила Лера.

Вернулся Полянский, и, продиктовав коммерческому директору номер факса, Лера нажала кнопку «отбой».

Они помолчали.

– Может, кофе? – спросил Полянский неуверенно.

– Я больше не могу, – призналась Лера. – У меня и так сердце выпрыгивает.

– Тогда текилы?

– Вот только текилы мне сейчас и не хватало!

– Вряд ли здесь подают валерьянку, – сказал Полянский задумчиво. – Но можно попробовать спросить. Уверен, что для нас найдут.

Лера поднялась и прошествовала за колонну. Столик, за которым давеча сидел Ахмет Баширов, был свободен. Лера подумала и села на диванчик – кажется, Баширов сидел именно так.

Для полноценного мозгового штурма ей нужен был Константинов, именно Константинов, а не тезка великого режиссера, утонченный, встревоженный и растерянный.

– Значит, так, – сказала она и сильно потеряла лицо. – Садовников убит. Его убили практически у нас на глазах. Мало того, его убили на глазах у охранника, его собственного, и на глазах у охраны Баширова, что значительно серьезней. Мила сидела в скверике на лавочке и видела какого-то человека, который после выстрела пробежал мимо нее и исчез. Она так сказала. По телевизору тоже все время говорят про какого-то человека, который бежал в сторону Вознесенского проспекта. Первое и очень странное. На углу был черный джип. Он сразу поехал и остановился прямо перед этим окном. Чей это джип?

– Откуда мы можем знать, чей он? – неуверенно спросил Полянский, как будто принимал участие в викторине и опасался, что даст неправильный ответ.

Команда прощается с вами. Вы самое слабое звено!..

– Очевидно, Баширова, потому что из него выскочил человек точно в таком же пиджаке и точно с таким же проводом за ухом, как у охранников Баширова.

– Как это ты разглядела?.. – пробормотал Полянский, который ничего такого не заметил.

– Охранники Баширова – профессионалы. Почему они не догнали убийцу, не завалили его и не сдали властям?! Ну, его же все видели! В новостях сто раз повторили, что он бежал в сторону Вознесенского проспекта, и Милка его тоже видела!

– Видела? – помедлив, переспросил Полянский, и Лера вдруг вспомнила, как знаменитая писательница говорила, что мимо нее пробежал именно Полянский, который все время сидел с Лерой за одним столом.

Нет, не мог он нигде бегать. Он сидел рядом с Лерой. Даже думать об этом глупо.

– Второе и очень странное. Почему Садовников так вел себя с нами, словно точно знал, что никакой совместной работы у нас не будет? Он что, был уверен, что его прикончат?

– Почему?

– Ах, господин Полянский, вам бы кино снимать, ей-богу! Да потому что он так старался вывести меня из себя! Зачем ему было меня злить? Для дальнейшего плодотворного сотрудничества это не годится, а тогда зачем? Или он не собирался со мной сотрудничать? А если не собирался, зачем он со мной встречался?!

– Ты все усложняешь, Лера.

Она прищурила голубые глазищи и посмотрела на Полянского так, что ему захотелось прикрыться накрахмаленной салфеточкой.

– А деньги, которые с нас теперь требуют, – это что такое? Это я придумала? Или ты придумал? Или Лев Валерьянович придумал? Что это за деньги, и где мы их возьмем?! Мы что, их получили уже? И что это вообще за дикая схема – по моему якобы звонку Лев подписывает невесть с кем договор, и этот невесть кто тут же переводит нам деньги. Хорошо бы, кстати узнать, сколько там денег! И перевел ли их он?

Она помолчала.

– А помнишь, я перед отъездом в Питер говорила, что Сосницкий заварил какую-то кашу и как бы не пришлось нам продавать квартиры и машины?

– Ты еще сказала – детей, – напомнил Полянский.

– Как видно, придется продавать, – сообщила Лера мрачно. – А это означает, что затея принадлежит Сосницкому, и я была права.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.